

Серж Бэст

След в прошлом

16+

Серж Бэст
След в прошлом

«Автор»

2020

Серж Бэст

След в прошлом / Серж Бэст — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06386-0

В адрес писателя — отставного полковника военной контрразведки ФСБ России, доставлена бандероль с дневниками, написанными неизвестным ему автором. В них он пишет о пограничниках, рядовых и офицерах, сердца которых опалены далёкой, но не забытой афганской войной, а также и об их мирной жизни полной самых различных приключений, нередко связанных с риском для жизни. Решение писателем принято, не колеблясь, — должна быть написана книга, адресованная не только настоящим мужчинам, но также и настоящим женщинам...

ISBN 978-5-532-06386-0

© Серж Бэст, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвёртая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	42
Глава седьмая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Серж Бэст

След в прошлом

Дорогой читатель!

В своей жизни мы нередко встречаемся с ложью и несправедливостью, но это не означает, что в мире мало добрых, честных и порядочных людей. Если Вы, прочитав эту книгу, будете стремиться к тому, чтобы всегда идти по «светлой дорожке» и не сворачивать с неё, а также сможете сделать это другим – значит, эта книга удалась.

Обращаю ваше внимание, дорогой читатель, что данный роман – это художественное произведение, и, несмотря на то, что в нём упомянуты реальные события, имена героев, места событий, названия населённых пунктов изменены и поэтому любое совпадение случайно.

С уважением, Серж Бэст.

Пролог

– Вам бандероль, – говорит, улыбаясь мне молодая девушка-почтальон, лет тридцати, после того, как я открываю ей дверь своей квартиры. Она суёт мне в руки увесистый свёрток. Я бегло читаю адрес на упаковке и недоуменно качаю головой.

– Адрес отправителя мне незнаком. Это может быть бомба! – мрачно шучу я и прикладываю бандероль к уху.

Улыбка с лица девушки в то же мгновение сбегает напрочь, и она испуганно шарахается в противоположную от меня сторону.

– Это, правда? – лепечет она, испуганно тараща на меня свои чёрные глазища.

Я успокаиваю её и досажую на нелепость своей шутки.

– Всё нормально. Тиканья часов неслышно... – ухмыляюсь загадочно я.

– Ходики – это моветон, – выдавливает из себя тревожно девушка, сейчас есть часы, тиканье которых неслышно, мобильники, наконец...

Я удивлён её осведомлённостью и признаюсь в том, что неудачно пошутил.

– А я вам поверила, – искренне признаётся девушка. – Вы ведь служили в ФСБ? Не так ли?

Я продолжаю удивляться. Откуда у неё такая осведомлённость?

– И кто это вам проболтался обо мне? – интересуюсь у неё я.

– Вы забыли, что я почтальон, – задорно смеётся девушка-почтальон и в её глазах бегают игривые искорки. – В прошлом месяце я опустила в почтовый ящик открытку, которую направило вам управление ФСБ в канун праздника – Дня работника госбезопасности. У меня на участке, таких как вы, три человека, а у моей подруги их пятеро...

Мои глаза ползут вверх от удивления.

– Да уж, – протягиваю я, и дурацкая улыбка ползёт по моему лицу.

На прощание интересуюсь именем девушки. Благодарю её за доставленную бандероль. Она уходит, а я по сложившейся привычке смотрю ей вслед и отмечаю, что у неё красивая фигура. Затем захожу в дом, отыскиваю ножницы и разрезаю упаковку бандероли.

Пред моими глазами предстают пожелтевшие, пронумерованные и исписанные от начала до конца блокноты, составленные из линованных листов ученических тетрадей.

Это чьи-то дневники, – первое, что приходит мне на ум. Но тут же задаюсь вопросом, если это так, то почему они написаны от третьего лица? Впрочем, ответ нахожу быстро.

Дневники автором были переписаны. Это было сделано для того, чтобы взглянуть на произошедшие события со стороны.

Разобрав блокноты, неожиданно отыскиваю записку, адресованную мне неизвестным отправителем.

Уважаемый Серж!

Полагаю, что я не ошибся в своём решении, доверить вам мои дневники, в которых изложены события, оставившие неизгладимый след в моей жизни.

В одном из ваших романов, вы устами героев говорите: «Для конкретного человека нет разницы, где он получит девять граммов в лоб – во время военных действий, носящих глобальный характер, или в перестрелке на границе...». Это действительно так, потому как речь идёт о самом дорогом, что есть у человека – о его жизни.

Эти слова явились для меня определяющими в выборе писателя, которому я мог бы доверить свои сокровенные записи, написанные мной в непростые периоды мой жизни. Добавлю, к сказанному вами, лишь одно – не просто рисковать своей жизнью, если знаешь, что она может быть отдана за «чужую правоту».

И ещё. Очень больно слышать от лоснящихся жирных физиономий, обличённых в чиновничьи мундиры, слова: «Я вас на войну не посылал, обращайтесь к тем, кто вас посылал туда...». Только, Серж, не подумайте, пожалуйста, что это стенание сломленного человека, я человек сильный духом, под стать мне и два моих сына, мы справимся со всеми жизненными невзгодами. Однако жизнь складывается у всех по-разному, поэтому хорошо, что вокруг нас есть такие люди, которые, не раздумывая, подставят своё плечо в тяжёлый для тебя час...

Почему неизвестный автор говорит о «чужой правоте»? – застывает на моих губах немой вопрос. Мозг мгновенно даёт подсказку. Всё дело в войне. В голову приходят крылатые слова времён Великой Отечественной: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

На той войне было всё предельно ясно и понятно – дело действительно правое! Никто не сомневался в том, что, защищая свою Родину, своих родных и близких, своей родной кровью от фашистских оккупантов советские воины вершили дело правое...

Неожиданно вспоминаю последние июньские дни 1984 года, проведённые мной, у изголовья умирающей от рака матери моей жены. Она была удивительным человеком, как говорили в те времена, верным партийцем-ленинцем. Чтобы облегчить её физические страдания я по предписанию врачей ставил ей уколы морфия.

Старая женщина, тело которой было высушено до костей тяжёлым недугом, часами рассказывала о своей непростой жизни, о том, как месила ногами бетон на стройках ДнепрогЭС, как участвовала в раскулачивании зажиточных крестьян – изымала по указанию партии излишки у них домашнего скота, уравнивая их с бедняками.

Именно тогда, на одном из таких мероприятий, в неё выстрелили из обрезка, убили лошадь, когда она прорывалась через окружение озлобленных недоброжелателей.

Вспомнил я об этом неслучайно, потому как Мария Владимировна Трацевская – персональный пенсионер республиканского значения (был такой раньше статус) искренне сокрушалась, всё то, что ей приходилось делать, притом порой с риском для здоровья и самой жизни, позже назовут ошибками, делом неправым.

Так что же всё-таки, привело автора дневников к такому суждению? – вновь задаюсь я вопросом? Может, осознание того, что втягивание СССР в войну в Афганистане это был американский проект, длившийся вдвое дольше, чем Великая Отечественная Война? Ведь неслучайно войну в Афганистане они называли Советским Вьетнамом.

И сейчас, спустя многие годы, это является очевидным фактом. Может поэтому у него в душе возникла горькая досада, что тысячи лучших сыновей нашей Родины сложили свои головы, отстаивая чужую правоту, в чужой стране, начавшей строить, как писали газеты той поры, социализм, от которого позже и в своей стране-то отказались...

Впрочем, что гадать. Вот его первый блокнот, в нём кроется начало первой главы моего романа «След в прошлом», в котором уже слышатся не только отголоски живого голоса никем и никому необъявленной не столь далёкой героической и трагической афганской войны, начавшейся при «застое» и завершившейся при «перестройке», но также и времени, предшествующему ей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Дуся неспешно шла по коридору «Панфиловки» – алма-атинской школы имени Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова, ловя на себе любопытные взгляды. Несмотря на то что она весело стучала каблучками, настроение было хуже некуда.

В этой школе, ей предстояло знакомство с новым классом и это обстоятельство больше всего занимало и тревожило её. Ей не нравилось приковывать к себе внимание, но избежать это она не могла, так как была не из тех, кого называют «серой мышью» или «бледной молью».

Длинноногая блондинка с шикарной копной светлых волос и серо-зелёными глазами, плюс точёная фигурка. Юношеские проблемы она счастливо избежала: никаких жирных волос, никаких прыщиков на молочно-белой коже. Она всегда была хрупкой, но не тощей, а в последнее, перед отъездом в столицу заметно оформилась. Ходила красивой походкой, благодаря занятиям по художественной гимнастике, проводимых её тётей в местном Доме культуры.

Тётя отличалась скверным характером, но это обстоятельство, тем не менее благотворно сказывалось на спортивных результатах её воспитанниц. Таким образом, все достоинства Дуси вызывали не только восхищённые взгляды мальчиков, но и ядовитую зависть одноклассниц.

Внимательно изучив расписание, Дуся поспешила в конец коридора. Отыскав свой класс, она остановилась у окна в ожидании педагога, который вёл у них литературу. Дети, проходя мимо, бросали любопытные взгляды на неё...

Неожиданно к ней подошёл один мальчик, и, взглянув на неё с добродушной улыбкой, спросил.

– Ты новенькая?

Дуся вымучено улыбнулась ему в ответ.

– Да, новенькая.

– Так, заходи в класс и занимай свободное место...

– Нет, я лучше подожду учителя, это будет правильнее.

– Тогда я займу на тебя место, если ты, конечно, не возражаешь сесть рядом со мной за одной партой?

– Спасибо! – мило улыбнулась ему Дуся, – я не против.

– Меня зовут Клим, фамилия Ломакин. По-взрослому я Климент.

– Необычное имя, оно, как и моё, редко встречается, – заметила Дуся.

– Мой с детства зачитывался книгами о героях Гражданской войны, поэтому и назвал меня Климом в честь маршала Климента Ворошилова. А тебя как зовут?

– Если по-взрослому, то я Евдокия Тобольская, а так просто Дуся. Если по-взрослому, – задорно рассмеялась она, то я Евдокия. – Моим предкам тоже Гражданская война навела назвать меня этим именем. А тебе нравится твоё имя?

Клим рассмеялся.

– Да, нравится. Хотя было время, оно мне не нравилось. Однажды я даже высказал отцу претензии, на сей счёт. А твой отец, часом, не военный?

– Нет, – ответила Дуся, – он инженер, а мама филолог. Что касается моего имени, то была такая революционерка – Дуся Ковальчук, её расстреляли в 1919 году не то, чехи, не то поляки.

Улица, на которой стоял мой дом, в родном Новосибирске, была названа в честь её. Кроме того, а в городском сквере был установлен её мраморный бюст, я там, в детстве, часто любила бывать. Так, что у нас судьбы похожие меня назвали в честь её.

А ещё от школьного учителя по истории я узнала, что Дуся Ковальчук в 16 лет вышла замуж. Её муж был парикмахером, имел свой салон на привокзальной площади, и был вдвое старше её, – добавила она к сказанному и усмехнулась.

– Ничего себе! Да он же старик... А вдруг тебе, Дуся, такая же заготовлена участь? – рассмеялся Клим.

– Ну уж, нет! – Дуся сердито сверкнула глазами. – Никогда так больше не шути, – мне это не нравится...

– Ладно, не буду. Кстати, Климу Ворошилову тоже бюст соорудили. Прах маршала замурован в Кремлёвской стене, там и бюст его и стоит. Сейчас этот герой у нынешних историков не в почёте и мой отец как-то выказал сожаление, что назвал меня его именем...

– Не грузись, Клим, по этому поводу. Мне, например, нравится твоё имя. Оно звучит мужественно.

– Спасибо! Мне твоё имя тоже нравится...

– А тебе довелось быть в Москве? – поинтересовалась Дуся.

– Нет, я там не был, – честно признался Клим.

Дуся заметила, что у мальчика карие глаза, хотя кожа, при этом была светлой. Выглядело это вкупе с прямым носом, волевым подбородком, слегка волнистыми тёмными волосами очень даже неплохо.

– А ты скучаешь по родному городу?

– Иногда, – с мягкой улыбкой ответила Дуся. – Но здесь очень хорошо. Актюбинск, в сравнении с Новосибирском, небольшой город – менее четырёхсот тысяч жителей.

– Понятно! – Алма-Ата, пожалуй, покрупнее Актюбинска будет, – шутил Клим.

Дуся неожиданно для себя прыснула со смеху. Клим явно хотел сказать что-то ещё забавное, но раздался школьный звонок, объявляющий о начале занятий.

– До встречи в классе! – сказал Клим, завидев идущую в конце коридора учительницу, нагруженную сверху доверху художественной литературой.

– До встречи!

А Клим явно милый мальчик! – подумала с теплотой в душе о нём Дуся...

– Новенькая, возьми у меня несколько книг, а то я приседаю от тяжести, – воззвала к ней издали учительница.

Дуся бросилась ей на помощь.

– Какие тяжёлые книги, – сказала она, стаскивая с рук учительницы объёмное наследие писателя Льва Толстого.

– Да, деточка! Роман «Война и мир» – тяжёлый роман и он явно не для праздного прочтения, – усмехнулась учительница, поправляя очки, сползшие с переносицы на кончик носа.

Они вошли в класс. Положив книги на стол учителю, Дуся окинула взглядом класс, отыскивая парту, за которой сидел Клим. Место рядом с ним свободно.

Клим помахал ей рукой. Он сидел в правом ряду у большого полуоткрытого окна, на подоконнике которого стояли белые керамические горшки с ярко-жёлтыми цветами.

Отличное место! – с удовлетворением отметила про себя Дуся и направилась к нему, вновь ловя на себе взгляды одноклассников.

Учительница открыла журнал и принялась сверять список учащихся.

Дуся внимательно вслушивалась в имена, понимая, что пройдёт ещё много времени пока она запомнит хотя бы половины своих нынешних однокашников, с которыми она на следующий год будет сдавать выпускные экзамены.

Мать Дуси считала, что её сверстники также будут охвачены волнением в свой первый день учёбы в выпускном классе. Обычная родительская философия, направленная на успокоение единственного ребёнка по поводу и без повода!

Вот только с чего бы им быть взволнованными? Они ведь вместе учились в одном классе многие годы, привыкли уже. Поэтому никто из них не почувствует себя потерянным и напуганным, как она.

После развода родителей, Дуся жила с мамой в небольшом казахском городке и не видела причин что-либо менять. Зато её мать видела. Для своего единственного ребёнка она хотела сделать всё правильно. В шестнадцать лет дочь должна учиться в Алма-Ате, где и будет поступать в институт, – решила она.

С переездом и жильём проблем не возникло, там у них проживала одинокая, престарелая бабушка – мама матери, за которой ко всему прочему нужен был ещё и уход.

Учительница назвала её имя.

– Евдокия Тобольская!

– Дуся, я обращаюсь к вам, – назвала вновь её имя учительница.

– Дульсинея Тобосская погрузилась в мир грёз. Не будем её тревожить, – насмешливо сказал кто-то, сидящий сзади.

Класс взорвался смехом, и Дуся очнулась от охвативших её раздумий.

– Я здесь! – выпалила громко она и тут же съёжилась под пристальным учительским взглядом.

Учительница перешла к следующему ученику, а Дуся с облегчением выдохнула и достала тетрадь, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Но не тут-то было, следующим в списке был Клим.

– Климент Ломакин! – назвала его учительница.

– Дон Кихот, он же, Климент Ламанческий находится там, где в тоске и неге пребывает прекрасная Дульсинея, – прокомментировал под оглушительный хохот всё тот же ехидный голос с заднего ряда.

Класс вновь бурно отреагировал на шутку. Не сдержала улыбку на лице и учительница. Только им было в классе не до смеха.

Клим резко обернулся, лицо его пылало в гневе.

– Рыжий, если ты сейчас не уймёшься, то будешь у меня бегать по школе, как вшивый в бане, – грозно сказал он конопатому парню, сидевшему в обнимку на задней парте с каким-то лопухим толстячком.

– Мальчики, успокойтесь! – призвала к порядку учительница, – мы теряем время...

Учительница приступила к изложению учебного материала, а Дуся краем глаза покосилась на Клима. Заметив, что он тоже косится на неё, она с трудом сдержала смех.

– Круто, ты его... – написала она на чистом листе бумаге. – Спасибо тебе!

– С «Рыжим» только так и надо, – написал он в ответ.

– А он здоровяк... У тебя с ним не будет проблем?

– Я его из одной минуты не выпущу...

– Это как?

– Это борцовский сленг...

– Тогда, я догадываюсь как. Ты его за одну минуту уложишь на лопатки...

– Что-то вроде того...

– Может, мне тоже наехать на какую-нибудь девочку, которая больше всех прыскала со смеху над нами? Я не хочу оставаться в стороне, – написала она и нарисовала девочку с огромными кулаками, стоящую в боксёрской стойке.

Клим опустил голову и закрыл смеющееся лицо руками. Классная девчонка! – подумал он с восхищением о новенькой. Надо подружиться с ней.

После возвращения в класс, после очередного перерыва на перемену, Дуся обнаружила закладку в свой учебник по математике в виде сложенного вчетверо клочка бумаги. Это была записка явно недружественного содержания, написанная девичьей рукой.

Дульсиня!

Рекомендую тебе побыстрее занять последнюю парту и там забиться в угол, а не скалить зубы с Климом...

Понаехали!

Настроение сразу упало на ноль. Началось! Какими же злыми бывают девчонки!

Отец как-то в шуточной форме рассказал ей, что в собачьих боях участвуют только самцы и это неслучайно, потому как самки грызутся до полной победы над соперницей – её смерти. Видимо, в этом что-то есть, если проводить аналогии с особенностями конструкции женской психики, – горестно подумала она.

Клим, видя удручённое состояние своей соседки, вновь достал чистый лист бумаги.

– Дуся, что случилось? На тебе нет лица, – написал он.

– Их бёзе! (нем.) – ответила она ему.

– Что это значит?

– Я злая...

– А в чём дело?

– Я готовлюсь к бою!

– С «Рыжим»?

Улыбка пробежала по её лицу. Дуся на мгновение задумалась, стоит ли показывать Климу записку. Впрочем, а почему бы нет, она безликая, автор неизвестен. Хотя, его может знать Клим...

– Нет. «Рыжий» просто милашка, в сравнении с той стервой, которая написала мне это.

Дуся украдкой протянула её записку. Клим прочёл и на его скулах заходили желваки.

– Ты знаешь, кому может принадлежать эта записка? – написала она.

– Догадываюсь...

– Это твоя девчонка так отреагировала на моё появление рядом с тобой? Кстати, а почему она не сидит с тобой за одной партой? Вы поругались?

Клим взял паузу. Он не знал, что сейчас ответить Дусе. После некоторого раздумья решение пришло, само собой.

– Давай об этом поговорим после уроков, – написал он.

Дуся задумалась, ей не хотелось давать спешный ответ. Сейчас в её голове превалировала одна мысль – а зачем мне всё это надо? Однако в записке незнакомки было одно слово, которое её задевало до глубины души – «Понаехали!». Этого она стерпеть не могла, не в её было характере отступать. Ей остро захотелось увидеть автора записки, чтобы посмотреть ему в глаза...

– Давай, поговорим, – нехотя согласилась она на предложение Клина.

На выходе из школы Клим махнул рукой в сторону четверых парней, стоящих у цветочной клумбы.

– Это мои друзья по секции, они учатся в соседнем классе. Давай подойдём к ним...

От предложения познакомиться с целой оравой чужаков Дуся невольно съёжилась и это не ускользнуло от внимания Клина.

– Если не хочешь, то давай не будем.

– Хочу, – неожиданно для себя согласилась она, но прозвучало это согласие явно неубедительно.

– Точно? Если не хочешь, то подожди меня на крыльце, я быстро переговорю с ними относительно предстоящего соревнования по самбо на первенство города.

– Нет, я хочу, – подтвердила своё желание Дуся.

– Тогда пойдём, – сказал Клим и взял её под локоток.

Ощущение было странным в силу того, что они были знакомы лишь несколько часов, но она при этом противиться не стала.

– Привет, парни! Знакомьтесь – это Дуся. – Она новенькая, сидит вместе со мной за одной партой. Я изо всех сил стараюсь понравиться ей, – представил её неожиданным образом друзьям Клим.

У Дуси от сказанного Климом поползли вверх брови. В горле предательски запершило, и она с трудом проглотила образовавшийся от волнения комок. Это прозвучало с его стороны чересчур самонадеянно, хотя и было приятно.

Клим назвал имена всех своих друзей, Дуся тут же их забыла, потому как не решила для себя, нужно ли ей это.

– Клим, давай вернёмся к нашим баранам, – предложила Дуся, как только они отошли от его друзей. – Записку мне написала твоя бывшая подружка? А может она ещё действующая?

– Как тебе сказать..., – замялся Клим.

– Скажи прямо и честно, иного ответа я не приемлю. Мне важно знать от какой девочки мне исходит угроза. Я не хочу никому причинять душевные страдания в первый же день моего пребывания в классе. Мне нужны знания для поступления в институт, а не проблемы...

– Понимаю тебя. Эту девочку зовут Газиза, она сидит одна, в левом ряду, как и мы, за третьей партой.

– Брюнетка, с прямой чёлкой на лбу и в белых капроновых колготках?

Клим усмехнулся.

– Да, это она.

– Симпатичная девушка...

Клим пропустил мимо ушей этот комплимент, в адрес своей бывшей подружки.

– Мы с ней дружили около полугода, но потом в нашу дружбу вмешались её родители, и она стала встречаться с мальчиком из элитной школы, у которого родители работают в аппарате первого секретаря ЦК компартии республики. Этого прыща, по имени Аскар, я однажды изрядно поколотил – сломал ему передний зуб, за что меня едва не исключили из комсомола.

– Так, ты драчун? – удивлённо спросила его Дуся.

– Нет, я не драчун. Этот мальчик сам напросился, – буркнул Клим.

– Это как так напросился? – Подошёл к тебе и заказал взбучку, – рассмеялась Дуся.

– Что-то вроде этого. Он подкараулил меня со своими друзьями у моего дома. Начал угрожать за Газизу, с которой мы уже не встречались. Из окна смотрел мой отец и наблюдал за развитием ситуации. Он всё понял. Обычное дело для парней. Ему было интересно, как поведу я себя в этой ситуации.

– И ты их не «выпустил из минуты»?

Клим рассмеялся.

– Их было трое, но я бился как лев со всеми. Они не выдержали моего натиска и отступили. На моей физиономии красовались несколько синяков, особенно был хорош синяк под глазом, но я чувствовал себя в глазах отца победителем, правда, недолго.

– Почему?

– Уже менее через час к нам домой приехала милиция, и мы с отцом были не рады моему геройству, потому как встал вопрос о возбуждении уголовного дела. Отцу сказали, что я не только поколотил этих троих, но и забрал у них какие-то ценные вещи. Хорошо, что он видел своими глазами, как было дело, а то вообще было бы швах, в смысле плохо.

Казахи мурыжили нас с отцом целый месяц, пока не ввязался в это дело начальник пограничного училища, где служит отец. У того тоже не хилые связи, ведь в училище учатся немало именитых отпрысков: дети министров, прокуроров, судей...

– Да уж, – протянула Дуся, – влип ты тогда – отлупить сынка из окружения первого секретаря ЦК компартии, это очень круто!

– Это точно, влип. После всего того, что случилось со мной, я вычеркнул эту парочку из своей жизни и стараюсь не видеть и не замечать их. Не понимаю, почему Газиза, решила напомнить о себе. Видимо, что-то у них в паре не заладилось, вот она и задурчила...

– Может быть, и так, а может просто-напросто типичная девичья ревность, – сказала Дуся.

– Тебе тоже приходилось ревновать мальчика, с которым ты дружила? – тут же проявил неподдельный интерес Клим.

– Нее, – протянула Дуся, – но я точно знаю, что такое бывает, об этом много пишут в книгах.

– Я с ней поговорю, чтобы она даже и не думала доставать тебя дурацкими записками, – решительно сказал Клим.

– Поговори. Буду искренне рада, если она вообще не будет меня замечать. А теперь извини, мне нужно спешить к маме, мы договорились с ней встретиться у почтамта.

– Не возражаешь, если я провожу тебя до неё? – предложил Клим.

– Хорошо, а по дороге ты расскажешь мне о себе и своих родителях. Мне это интересно, наверное, оттого, что я живу в неполной семье, – неожиданно призналась Дуся.

Клим на мгновение задумался, потом принялся рассказывать.

– Моя мама работает преподавателем иностранного языка в мединституте, а отец военный, он служит, как я уже сказал, курсовым офицером в училище, в котором когда-то учился сам. После Нового года отец уедет служить на Дальний Восток. Уже пришёл приказ о его переводе.

– Значит, ты скоро уедешь?

– Нет, я остаюсь в Алма-Ате. Буду поступать в высшее пограничное командное училище КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, – горделиво сообщил Клим.

– Как страшно звучит название училища, – поёжилась Дуся. – Ты будешь жить в казарме?

– Да, в казарме. Но когда у нас будет свободный выход, то на выходные дни я буду у мамы.

– А разве она не уезжает с папой на Дальний Восток?

– Нет. Мои родители, как и твои, развелись год назад. Отец потому и написал рапорт на перевод к новому месту службы...

– Извини, что я попросила тебя рассказать о своих родителях, – пролепетала Дуся, преодолевая некоторую неловкость.

– Всё нормально. Я уже привык к тому, что они не вместе. Отец сказал, что у матери уже кто-то есть и он тоже военный. При этом папа скрыл от меня, что этот кто-то тоже пограничник и учился вместе с ним на одном курсе.

Дуся задумалась, потупив взгляд.

– А ты в какой вуз будешь поступать? – спросил её Клим.

– Попытаюсь в театральный, но там конкурс большой – семь человек на место.

– Я не сомневаюсь в том, что ты поступишь. Ты очень красивая девочка, из тебя выйдет хорошая киноактриса, и я буду ходить на все показы кино, в котором ты будешь играть главные роли...

От неожиданного комплимента, прозвучавшего из уст мальчика, Дуся зарделась. Кровь от охватившего её смущения прильнула к лицу, сделав его необыкновенно привлекательным и даже милым.

– Клим, ты только, пожалуйста, не говори в классе о моём желании, – попросила она его. – Я не люблю к себе приковывать внимание. Если это случается, то мне хочется провалиться сквозь землю...

Клим улыбнулся ей.

– Будь спокойна. Не скажу, – заверил он её прощаясь...

Она проводила его взглядом. Куртка и джинсы у Клима были как у многих ребят в их школе, однако в походке чувствовалась уверенность, которая выделяла его из толпы. Дуся даже ему позавидовала.

Может, когда-нибудь она тоже будет так уверена в себе, как Клим, – подумала она.

– Ну, как, дочь, прошёл твой первый день в новой школе, – встретила её вопросом, поджидавшая у входа в почтамт мать.

– Полная задница.

Мать, озираясь, быстро спустилась по ступенькам вниз.

– Что за выражения, Дуся! Не говори так прилюдно.

– Других слов я просто не нахожу, да и никого рядом нет.

– Потерпи, дочурка, немного, и всё наладится. Будет так же хорошо, как и в твоей старой школе.

– Не будет. На меня все таращат глаза и уже назвали Дульсинеей.

– Это потому что ты новенькая и симпатичная. К тому же Дульсиня это необходимое прозвище. Тебя так нередко и твой отец называл.

– А может в их глазах я провинциалка?

Мать улыбнулась.

– Ну, какая ты провинциалка. Посмотри на себя в зеркало. Ты одета с иголочки. Не все городские дети так одеты, как ты...

– Но я одеваюсь по-другому.

– Никто не запрещает тебе одеваться, как они.

– Вот ещё! Тут все поголовно носят узкие джинсы и ботинки на платформе.

– И?

– Не люблю узкие джинсы в них жарко. И как вообще можно носить девушкам грубую обувь? Это кич!

– Так, носи что хочешь. Не будь как все. В стаде обыкновенных баранов, попадаются и каракулевые барашки, – рассмеялась мать.

Дуся закатила глаза. В душе она признавала, что её мать права. Пусть она и не жила в столице, но одевалась, благодаря вкусу и умениям матери хорошо шить, как девушка с обложки журнала «Бурда моден».

И ей это нравилось.

– А ещё, мам, там очень шумно. Эти полоумные казахи носят по коридорам, как дикие животные, и визжат во всё горло.

Мама усмехнулась.

– А русские при этом тихо стоят в стороне? Вряд ли они такие же дикие, дети, одним словом. Расскажи, лучше, что было хорошего.

– Ну... познакомилась с приятным парнем, – проговорила Дуся, взяв мать под руку. – Климом или Климентом зовут, как-то так...

– Дуся, ты меня пугаешь. Мы переезжаем в Алма-Ату, я привожу тебя в одну из лучших столичных школ, чтобы ты получила знания и поступила затем в институт, а ты первым делом знакомишься с мальчиком!

– Ты всё не так, мама, поняла. Я сижу с ним за одной партой, поэтому и познакомилась...

– Ладно, я пошутила. Давай зайдём в гастроном, купим продукты, а то у нас в холодильнике мышь повесилась.

– Давай! – повеселевшим голосом согласилась Дуся.

Глава вторая

Прошло две недели. К своему удивлению, Дуся запомнила многих ребят и с лёгкостью общалась с ними. Она уже начала привыкать к новой школе. С учёбой проблем не было, так как она всегда училась на «хорошо» и «отлично».

Чувство одиночества и потерянности прошло, да и присутствие в классе Газизы и «Рыжего», последнего звали Толик, не так угнетало, как это было в первые три дня. Все друзья Клим и их подружки стали теперь её друзьями.

Из девочек наиболее близкой к ней была Виолетта, с ней они весёло «трещали» почти каждую перемену. Впервые после отъезда из Актюбинска Дуся почувствовала себя в своей тарелке.

Когда она дома восхищённо рассказала о своих новых школьных друзьях, то мать с удовлетворением отметила, это хорошо, что у неё много друзей. Только престарелая бабушка, посмотрев на внуку с прищуром поверх больших очков, заметила:

– Подруги, внученька, часто бывают ненадёжными и стремятся увести парня. В своей долгой жизни мне довелось видеть это, – принялась рассказывать бабуля. – В моей деревне, где я жила в раннем детстве, к одной невестке приехали сваты. Девушку звали Натахой, она была необычайно красива: мила лицом, статью хороша, косы ниже поясницы...

Сваты забрали невесту и пошли к саням, а тут, на их беду, лошади ни в какую ехать не хотят: встали на дыбы, хрипят, повозку распрягают...

Сваты и жених перепугались, и решили, что дело с этой невестой нечистое, надо убираться восвояси...

– Почему дело нечистое, бабушка?

– Да потому что без ворожбы и сглаза тут не обошлось...

– А кто её сглазил?

– Да кто это знает, моя милая внученька. В деревне бабы шептались, что не обошлось в этом деле без ворожбы одной местной бабки, за которой водился такой грешок. К ней якобы накануне приходила одна молодлица, которой тоже был мил натахин жених. Он обещал взять её в жёны, но его родители по какой-то причине воспротивились тому...

– А потом эта девочка вышла замуж за другого парня?

– Нет. Она сильно заболела, слегла на второй день, и через некоторое время вообще тронулась умом, стала плохо говорить, а из её рта постоянно текла слюна...

– Фу, какая грустная история, – молвила Дуся. – Хорошо, что у всех моих девочек есть мальчишки, с кем они дружат, – добавила она к сказанному.

– Есть, то есть..., но как оно будет потом неизвестно...

– Всё равно, бабушка, я Клима никому не отдам.

Голос бабушки задрезжал тихим смехом.

– Клим и сам может уйти от тебя, как в своё время он ушёл от Газизы. Мальчишки это делают с лёгкостью, такова уж их природа. Подрастёшь, узнаешь о них побольше...

– Мама! Зачем ты внучке голову всяким хламом забиваешь? – вмешалась в их диалог мать. – Рано ей знать о таких вещах.

– Все не рано, – шмыгнула носом Дуся. – Газиза первой стала дружить с другим мальчиком, а не Клим с другой девочкой, – не унималась она...

– Ну, не знаю, внученька, кто у них первый ушёл, записку-то тебе написала она...

Дуся задумалась. Слова бабушки её огорчили.

– Что мне делать бабуленька? Я не хочу терять Клима.

– Да ничего, внученька, не делай. Будь сама собой и не старайся его захомутать.

– Слово-то, какое – захомутать, – фыркнула Дуся. – Клим, бабуленька, не лошадь...

– Согласна с тобой, он не лошадь, – усмехнулась бабушка, с трудом сдержав себя, чтобы не сказать, что он жеребец. – Дело не в этом. Ты, внученька, должна знать одну истину, которая давно подмечена людьми – всё что делается, делается к лучшему.

Не будет у тебя Клим, подружисься с кем-то другим, так уж жизнь наша устроена... Твой дед, который любил разглагольствовать, на сей счёт, говорил, что никто в этой жизни никому не принадлежит, поэтому никто и никого не может потерять...

– Как мудрёно сказано, но, похоже, что бабушка всё-таки прав, – тихо заметила Дуся.

Следующие несколько недель пролетели ещё быстрее, чем Дуся могла представить, учитывая неловкость первых дней учёбы. Как же мне повезло с Климом, Виолеттой и её другом Владом! – нередко думала она.

Они по-прежнему часто проводили время вместе в школе. В школьной столовой их всегда можно было видеть за одним столиком, вчетвером. Учёба тоже шла нормально. Конечно, было трудновато подстраиваться под одноклассников, но Дуся постепенно свыкалась.

И к городу она привыкла. Любимым местом, где они любили все вместе гулять после школы, был парк имени 28-ми героев панфиловцев.

С друзьями она также побывала на «Золотом холме» – горе «Кок-Тюбе». С высот холма им открылся великолепный вид на «Южную Пальмиру», так называлась красивейшая часть Алма-Аты, дома которой утопали в садах, а многие улицы имели фруктовые названия.

– Дуся, тебе звонят! Подойди к телефону! – донёсся голос матери из кухни. – Ты как раз подошла вовремя...

Дуся взяла трубку телефона недоумевая. Они с Климом только что разошлись, почему он звонит?

– Алло, – удивлённо сказала она.

– Привет, Дуся! Это Виолетта.

– Привет, подруга!

– Ты занята?

– Нет.

– Сегодня хорошая погода, хочешь съездить в зоопарк? Влад нас отвезёт, он получил права.

Дуся давно уговаривала мать сходить в зоопарк, но та всегда находила причину, чтобы туда не идти, чаще ссылалась на отсутствие у неё интереса смотреть на животных, находящихся в неволе.

– О, давай, я с удовольствием съезжу с вами в зоопарк! – согласилась Дуся.

– Отлично!

– Уходишь с Климом? – спросила мать, когда Дуся повесила трубку.

– Нет, с Виолеттой и Владом. Они хотят мне показать зоопарк. Можно?

– Конечно, можно, я не против. И ты, наконец-то, от меня отстанешь со своим зоопарком, – рассмеялась она. – Клим мне нравится, но и других ребят из общения не следует исключать, – подумав, добавила она.

Дуся усмехнулась, вспомнив бабушкины толкования насчёт коварства подруг.

– Бабушка на прогулке в сквере? – поинтересовалась у матери она.

Мать тяжело вздохнула.

– Бабушка приболела, – сердце у неё прихватывает...

Дуся поспешила в комнату к бабушке.

– Бабуленька, миленькая! Что с тобой родная? – встревожилась она.

– Да ничего удивительного, внученька, нет. Чёрт рогатый и костлявая с косою весь день на прочность меня проверяют, – отшутилась старая женщина.

– А где твои ангелы, почему они этих тварей не прогнали?

– Смертушка, – она не тварь. Она, дорогая моя внученька, помогает нашему брату на тот свет переправиться, а то мы бы гнили здесь вечность. – Представляешь, какая была вонь от нас всех стояла? – лукаво хихикнула слабым голосом бабуля.

– Ну, и шуточки у тебя, бабушка, – упрекнула её Дуся. – Скажи лучше, как ты сейчас себя чувствуешь?

– Сейчас намного лучше, чем давеча. Куриный бульончик немножко похлебала – отпустило...

– Ты крепись, моя милая бабушка, не сдавайся! Всё пройдёт, и мы с тобой снова разговоры будем вести разные.

– Будем! – уверенно пообещала бабушка.

С улицы донёсся протяжный гудок автомобиля.

– Это, бабуленька, за мной приехала Виолетта с Владом. Они хотят мне показать зоопарк. Ты не против моей поездки? Если нужно, то я останусь дома, побуду с тобой...

– Поезжайте, родная, поезжай!

Мать, молча, слушала их диалог. Хорошая дочь растёт у меня, – с улыбкой подумала она и мысленно пожелала ей удачи.

Дуся села на заднее сиденье и Виолетта тотчас обернулась к ней.

– Зоопарк у нас очень даже ничего! Ты будешь в восторге. Мне там нравятся жирафы, недавно у них родился малыш. Забавно!

Влад высадил их на парковке.

– Я на автомобильный рынок. Вернусь за вами через два часа.

– Давай, пока! – Виолетта помахала ему на прощание.

– Начнём с хищников. Не возражаешь?

– Как скажешь, – согласилась Дуся...

Виолетта повела её к клетке с бурым медведем.

Медведь был занят поеданием пищи. От вида окровавленного мяса, составлявшего его рацион, у Дуси к горлу подступил комок тошноты. Она побледнела.

– О, подруга, так ты слабачка! – рассмеялась Виолетта. – Тогда идём смотреть водопадающих пернатых.

На пруду они сразу подошли к белым лебедям, плавающим у самого берега.

– Какие они красивые! – восхищённо отозвалась о птицах Дуся.

– Ну, и что у вас с Климом? – неожиданно спросила её Виолетта.

Дуся поперхнулась и закашляла.

– В смысле?

– Ну, вы встречаетесь?

– А почему ты спрашиваешь меня об этом? – задала она встречный вопрос.

– Ты ему нравишься. – Виолетта вздохнула. – Хотела я понравиться ему хотя бы вполвину твоего!

Дуся удивлённо выпучила глаза.

– Вот как! А разве тебе, мало того, что ты нравишься Владу. Вы ведь дружите, не так ли?

– Дружим, но это не то, – призналась Виолетта. – Клим мне сразу понравился. Он ведь к нам пришёл в девятом классе. Такой красивый, сильный. Однажды на школьном вечере, он подошёл ко мне и пригласил на медленный танец. Мы танцевали с ним, я чувствовала его руки, как стучит его сердце...

– Виолетта, – прервала её Дуся, – зачем ты мне это всё рассказываешь?

– Не знаю. – Какое время они, молча, смотрели на пернатое хозяйство, кричащее на все голоса и отчаянно хлопающее крыльями. – Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой

предо мной, – первой нарушила молчание Виолетта. – Тогда на школьном вечере, он больше ни с кем не танцевал.

Он выбрал меня одну из всех. Сейчас Клим увлечён тобой и не замечает меня. Но я хочу, чтобы у меня тоже был шанс. Дай мне его, подруга...

Дуся остолбенела. Что за дурость?

– Ты у Газизы тоже просила шанс? – нашлась она.

Виолетта покосилась на неё. В её глазах заиграли недобрые огоньки.

– Ты считаешь себя его девушкой, Дуся?

– Не знаю. Может быть...

– Но ведь вы даже не целовались. Или целовались?

– Ты задаёшь очень странные вопросы, Виолетта, – уныло пробормотала Дуся.

– Ну, скажи, пожалуйста, для меня это очень важно.

Дуся покосилась на неё.

– Ничего, Виолетта, я тебе не скажу, – резко сказала она. – Думай, что хочешь. Знай только, что шанс я у тебя не отнимала, он у тебя есть... – Никто никому не принадлежит, – вспомнила она вдруг бабушкины слова.

Виолетта удивлённо посмотрела на неё.

– Не обижайся на меня, Дуся. Ты хорошая, девочка, ни такая как большинство девчонок в нашем классе. Я не хочу потерять подругу...

Дуся пожала плечами.

– Может быть, и не потеряешь. Я не уверена в этом. А сейчас я иду домой, мне расхотелось смотреть животных, – сказала она и зашагала в обратную сторону.

– Дуся! Не уходи!

– Передай Владу, что у меня разболелась голова, домой я доберусь на автотранспорте...

Придя к себе в дом, Дуся напрямик поспешила в комнату к бабушке, ей нестерпимо хотелось поделиться с ней содержанием разговора с Виолеттой.

– Бабусенька, как же ты была права, – воскликнула она, завидев её. – Подруги действительно бывают недобрыми.

– Что случилось внученька, на тебе лица нет, ты вся покрасневшаяся?

– Виолетта хочет, чтобы я не встречалась с Климом, так как он нравится ей, – выпалила сходу Дуся, а уж затем подробно рассказала обо всём.

Глубокие морщины на лице её бабушки поползли от удивления вверх.

– Вот ёксель-моксель какая незадача, – запричитала она. – Чтоб этой Виолетте сметаной подавиться!

Дуся рассмеялась.

– А вдруг Виолетта и впрямь сметаной подавится. Тогда нас, бабушка, как заклинателей на костре сожгут, – повеселевшим голосом пошутила она.

– Не подавится она, я ведь просто так сказала, не со зла, потому как знаю, что зло всегда возвращается к тому, кто его желал. Особенно нельзя проклинать младенца во чреве матери. Это страшный грех, который в будущем обязательно аукнется большими неприятностями.

– Почему?

– Младенца этого охраняют ангелы-хранители – это вселенский закон, согласно которому господом нашим и организована человеческая жизнь. – Запомни это, внученька, и никогда не делай зла другому, ибо счастья тебе это не принесёт, а зло бумерангом возвратится к тебе, – заключила бабуля свою длинную тираду.

Вечером Дуся позвонила Климу.

– Клим, ты не обижайся, но я хочу пересесть за другую парту.

– К кому? – с трудом продавил комок в горле Клим, – почему ты уходишь? – тут же вслед добавил он.

От этих слов Дусе стало не по себе. Ей доводилось слышать что-то подобное, когда расходились её родители. Ей хотелось честно рассказать Климу о своём разговоре с Виолеттой, но её останавливало, что он может вспылить и устроить с ней ненужные разборки, поэтому она решила слукавить.

– У меня возникли проблемы со зрением, – сказала она. – Сегодня я была у врача-окулиста и он сказал, что помимо глазных капель, выписанных им, мне нужно поменять место в классе и перейти на другой ряд.

– Зачем это? – недоумённо протянул Клим.

– Чтобы видеть классную доску под другим углом зрения. Я все годы сидела только с правой стороны и у меня неправильно сформировано зрение. Мне нужно пересесть на левый ряд.

– Но на левом ряду есть только одно свободное место – парта, за которой сидит Газиза.

– Делать нечего, я попрошусь к ней...

– Но она-то точно будет против, – хмыкнул Клим. – Хотя, впрочем, у вас девочек, всё решается по-другому...

– Вот, именно по-другому. Скорее будет рада, что я уйду от тебя. Она будет считать это своей победой надо мной. – Ты ведь с ней так и не поговорил в отношении её записки? – вспомнила вдруг Дуся.

– Не поговорил..., – виновато пробормотал в трубку Клим.

– Ладно, Клим, не парься на сей счёт! Это я так спросила, – пошла ему навстречу Дуся.

– Хочешь, я завтра же с ней поговорю в отношении её писанины, – выказал свою готовность он.

Дуся задорно рассмеялась.

– Нет, Клим, не надо! После твоего с ней разговора она вообще со школы убежит. Мне такие жертвы не нужны...

– Может быть, мне с ней по-доброму поговорить, чтобы она разрешила тебе сесть с ней за одну парту?

– Клим, ты в своём уме? Подумай, хорошенько, какая у неё будет реакция?

– А какая? Нормальная будет реакция, – отмахнулся Клим. – Если заартачится, то я напомню ей про записку...

– Ну вот, мы и приплыли снова к этому же берегу, – сожалением в голосе сказала Дуся...

– Ладно, поговори с ней сама, – согласился Клим.

Разговор с Газизой Дуся не стала откладывать в долгий ящик и уже утром следующего дня она подошла к ней.

– Газиза, ты не будешь против, если я сяду за твою парту? – спросила она её.

У Газизы на мгновение округлились от удивления глаза.

– А Клим, он как? – задала она дурацкий вопрос.

– Не знаю, – пожала плечами Дуся, – если хочешь, то можешь сесть к нему, – неожиданно для себя предложила она Газизе.

Дуся понимала, что такое её предложение может не понравиться Климу, но решила, таким образом, она предоставляет шанс не только Виолетте, но и Газизе.

Пусть девочки теперь выцарапают глаза друг другу, а её оставят в покое, в десятом классе есть дела и поважней, чем мышьяная возня на любовном фронте – это подготовка к сдаче госэкзаменов.

– Знаешь, а я не буду против того, чтобы ты села со мной, – не скрывая радости в голосе, согласилась Газиза.

– Ну вот, и хорошо! – облегчённо вздохнула Дуся, – сейчас я перетащу к тебе свои вещички...

Переход Дуси на другую парту стал предметом живого обсуждения у её одноклассников на первой же перемене. Для многих из них это был полный шок, так как из общественной памяти класса ещё не стёрся буйный пересуд недавнего разлада в паре Клим – Газиза.

И тут Клим, общепризнанный красавчик в классе, терпит очередное фиаско в отношениях с девочкой из провинции, которую, как сказал рыжий Толик, заарканить, как два пальца замочить.

Ай, нет! Дуся Тобольская оказалось не только красивой девочкой, но и с твёрдым характером, который был не по зубам даже Климу.

Первой к Дусе подошла Виолетта.

– Спасибо тебе, Дуся, – тихо пробормотала она, потупив взгляд.

Дуся усмехнулась. Желания общаться с Виолеттой у неё не было никакого, но и ссориться с ней в её планы не входило. Так, вообще можно остаться без подруг.

– Это твой шанс, о котором ты просила, – а сейчас извини меня, мне нужно в туалет...

Прошли ещё две недели. Как-то в среду Дуся вышла из лингафонного кабинета и чуть не врзалась в Клима.

– Прости, – извинился он, одной рукой придержав её за плечо.

– Ничего особенного, мне самой нужно быть повнимательней, – сказала ему в ответ Дуся.

Они взглянули друг другу в глаза. Дуся застенчиво улыбнулась и тут поняла, что загоразживает Климу дорогу.

– Ой, извини! – Она шагнула в сторону.

– Дуся, я вообще-то тебя искал. – Клим явно робел. – Я просто хотел спросить... может, погуляем сегодня вдвоём в парке? Если ты не против, конечно.

– Я не против.

– Правда?

– Правда, – улыбнулась Дуся.

– Классно! – Клим посмотрел на запасный выход в конце коридора. – Выйдем через него, чтобы злопыхателям на глаза не попасться...

В парке было пустынно. Под ногами шуршала листва. Погода не располагала к прогулкам. Солнце безуспешно пыталось пробить брешь в плотной занавеси кучевых облаков, нёсших в себе запоздалые дождевые осадки, в которых так нуждалась изнурённая жарким летом фауна парка.

– Пойдём, я знаю тут неподалёку беседку, – сказал Клим, положив руку ей на поясницу.

– Пойдём, – согласилась Дуся.

Она с удовольствием вдохнула осеннюю прохладу, её не пугала грядущая непогода. Рядом с ней был Клим, она чувствовала его тёплую и крепкую руку, слегка обнимавшую её талию, и больше ничего. Ощущение было волнительное и одновременно успокаивающее.

Заморосил дождь, но они не спешили укрыться от него. Клим прижал Дусю к себе и погладил её волосы. Она приникла к его груди, стараясь дышать ровнее.

Он потёрся об неё колючей щечкой, на которой уже пробивалась редкая щетина, и кончиком носа провёл вдоль скулы. Мягкие губы скользнули по лбу, и её спина тут же покрылась мурашками. Веки открылись по собственной воле, и все мысли исчезли в океане его карих глаз.

Клим едва ощутимо коснулся её губ, и Дусю захлестнула невероятная волна тепла – такое она испытывала впервые.

Она не пошевелилась, и Клим поцеловал её уверенней. В мгновение ока он стал частью бушующего внутри Дуся шторма: она обвила его руками...

Сколько длился их первый поцелуй – секунды или минуты, – Дуся не знала: время исчезло, пока Клим прижимал её к себе и окутывал своим нежным теплом...

Наконец, он отпрянул, жадно глотая воздух.

– Прости меня, – шепнул он. – Я так этого хотел...

– Я тоже, – тихо сказала она. – И тогда он – склонился над ней с новым поцелуем.

В последнюю секунду она покачала головой.

– Клим? А как Газиза и Виолетта? – Я не могу, Клим. Столько всего происходит вокруг нас...

Он медленно отстранился и долго молчал, а потом едва слышно проговорил:

– Тогда я подожду, когда ты сможешь не думать о них.

– Проводи меня до дома, – тихо попросила его Дуся.

– Конечно, провожу...

– Мам! – позвала Дуся, входя в дом.

– Что случилось, дочь, ты такая бледная?

– Мы гуляли с Климом в парке...

– Под дождём? Ты возобновила с ним дружбу?

– Но мы и не ссорились... Я просто на некоторое время отошла в сторону, чтобы посмотреть, что будет.

– И что было?

– Сегодня был первый поцелуй, – неожиданно призналась матери Дуся.

– Ох! – вздохнула громко мать. – Кабы беды не было... Вы теперь пара?

– Не знаю, – честно призналась ей Дуся.

– Вы молодые, кровь горячая... Не теряй, дочь, пожалуйста, голову.

– Не беспокойся мама, у тебя умная дочь.

– Это я знаю, – улыбнулась мать. – Проходи на кухню, будем есть.

Мать не стала делать из мухи слона, она понимала, ничего удивительного нет в том, что её дочь станет встречаться с парнем. Такова жизнь!

– Мам...

– Что?

– А во сколько лет ты стала встречаться с папой?

– Вот, ешь, – сказала мать, поставив тарелку с едой перед Дусей.

Она сознательно пропустила вопрос дочери мимо ушей. Ей не хотелось признаваться в том, что встреча с её отцом была ошибкой молодости. Этот человек оказался в жизни совсем не таким, каким она его представляла, и после десяти лет совместной жизни, наполненной скандалами, и они расстались.

Шекер, так её звали отца, был немолод и эгоистичен, и никто из его чужеродной родни, так до конца и не понял, почему завидный для многих казахских девушек жених вдруг решил жениться на русской бесприданнице, пусть и общепризнанной красавице.

Мотивы невесты, с точки зрения элиты казахского общества, объяснялись проще: избранник был достаточно богат, чтобы ей жить в своё удовольствие. Все пришли к однозначному выводу – Елена Тобольская, удачно выскочила замуж.

Но все они ошибались относительно её матери. Мать вышла замуж не из-за денег и не из честолюбия. Она была весьма романтической девушкой, и образ жизни, который вёл Шекер, показался ей истинным воплощением романтики. Что может быть увлекательнее походной жизни – любований красотами природы, ночёвок в палатке под открытым небом?

Дуся ела медленно, поглядывая на мать и ожидая, что та ответит на её вопрос. Но та лишь молча мыла посуду, и, ни разу не посмотрела в её сторону. Дуся почувствовала, что своим вопросом задела мать за «живое»; доев, она поблагодарила её и вышла из кухни.

Глава третья

Клим развёл в стороны руки и несколько раз прогнулся, разминая затёкшую спину. Был его любимый вторник – день факультативов по кафедрам.

Факультативы были дополнительными занятиями и проводились в алма-атинском пограничном училище, где он учился уже четвёртый месяц, за час до ужина сразу же после самоподготовки.

Курсовые офицеры проводили их почему-то не всегда, за исключением занятий по физической подготовке, которые были просты по организации. Личный состав учебной группы выходил на стадион, командир взвода давал команду «Старт!» и включал секундомер...

Факультатив по информатике, который был запланирован на этот день, также, как и на прошлой неделе, не состоялся, и все были предоставлены сами себе: кто-то письма писал родным, а кто просто-напросто спал, положив голову на стол.

Он же читал статью «Геофизическая война» в журнале «Военное обозрение». Эту статью в журнале прочли уже многие курсанты в группе, и вот, наконец, журнал попал и к нему в руки.

Статья вызвала у Климата противоречивое чувство, потому как возникли вопросы, на которые никто не мог дать ответ. Автор, ссылаясь на достоверные источники, утверждал, что американцы ведут разработку геофизического оружия, способного разрушить озоновый слой над территорией противника, вызвать цунами, землетрясения, тектонические разломы земной коры, уничтожить ракеты противника, путём перегрева их электронных частей.

Но вот, есть ли что-то подобное в СССР, автор умолчал, и это был главный вопрос, который тревожил не только Климата, но и всех его друзей.

Тогда никто из них даже предположить не мог, что главная угроза для их Родины исходила не от геофизического оружия, идеи которого вынашивались в воспалённых умах заокеанских учёных.

Эта угроза вызревала совсем рядом, в умах потомков тех, кто некогда создал их великую страну, формировал её величие, защищал её на фронтах Великой Отечественной войны...

Эти заблудшие души, в их числе откровенные предатели Родины, начнут с объявления о перестройке, в основу которой положат ценности чужеродной духу советского человека западной культуры.

Затем развалит экономику и вооружённые силы собственной страны, а позже в Беловежской пуще подпишут соглашения, которые законодательно утвердят развал СССР, некогда великой и могучей державы...

– Парни! – раздался возглас его друга Аби Омарова, сидящего на предпоследней парте, – скажите, когда мы празднуем день чекиста?

– Жиырма желтоксаннын, – ответил ему Клим на казахском языке, и тем самым вызвал у всех оглушительный хохот.

До 20 декабря оставалось четыре дня. Курсовой офицер на вечерней проверке объявил, что на день ВЧК-КГБ в клубе училища будет показан фильм «Семнадцать мгновений весны», а перед его началом, возможно, состоится встреча с киноактёром Вячеславом Тихоновым, сыгравшим роль Штирлица, на которой он будет раздавать автографы.

А также офицер сообщил, что на встречу с ним пойдут лишь отличники боевой и политической подготовки от каждого курса, так как училищный клуб небольшой и не вместит всех желающих увидеть вживую столь обожаемого в стране киноактёра.

Многих эта новость обрадовала и одновременно огорчила, так как шанс попасть в заветный список был невелик. Однако никто не унывал, памятуя о том, что надежда умирает последней.

Не унывал и Клим, он, как и его друзья, раздобыл фото актёра, и теперь перед ним стояла задача – получить от него заветный автограф.

С Дусей они не виделись почти месяц, так увольнения в город были запрещены из-за карантина, наложенного в связи гриппом.

Курсанты недоумевали, какой грипп, если нет ни одного простуженного. Дело было явно в другом, но об этом их отцы-командиры предпочитали молчать.

Однако шила в мешке не утаишь, оно рано или поздно вылезет наружу. Так, и случилось.

На следующий день после обеда внезапно объявили команду «Сбор» на училищном плацу: с оружием, вещмешками, противогазами и сапёрными лопатками.

Их дивизион в числе последних прибыл на плац. Тем не менее стоять им пришлось всё равно долго. Крепкий морозец заставил всех без исключения пританцовывать в строю. Курсантская шинель не грела никого, да и как она могла согреть, если у неё не было тёплой подкладки, таким же куцым был и воротник. К тому же мёрзли ноги, обутые в юфтевые сапоги.

Неожиданно разрешили курение на заднем фланге, чем окончательно обескуражили всех. Клим вообще-то не курил, но в этом случае от сигаретки не отказался.

Прошло ещё около получаса. Наконец-то, на трибуне появился начальник училища. Он окинул строй взглядом, после чего прокашлялся в микрофон. Голос генерала был предельно резким, от его слов, бросило в дрожь.

– Товарищи! – сказал он, не разделяя строй по воинским званиям, как-то требовал устав. – Климу в это мгновение почему-то вспомнились слова былинного князя Святослава к своему войску. Братцы! – сказал тогда князь, – не посраим земли Русской!

– В столице Казахстана, – сказал генерал, – начались массовые протесты против коммунистической власти. По данным министерства внутренних дел, застрельщиками экстремизма явились студенты театрально-художественного института и института иностранных языков.

К ним примкнули и другие. Ряды бузотёров множатся ежечасно, их уже несколько тысяч, все они, вооружённые металлическими трубами, цепями, заточками, штырями, арматурой, кольями и камнями.

Они уже вышли на площадь к зданию Центрального комитета республики и намереваются штурмовать его. Этого мы не должны допустить! Москва приняла решение о введении в столице системы «Метель»...

У Клим похолодело внутри. Не может быть. В театральном институте учится его Дуся...

– Всем быть в полной готовности! Подразделениям находиться в казармах, командирам дивизионов подготовить строевые записки, – сказал генерал, в завершении своего выступления.

Все разошлись по казармам. Клим аккуратно сложил снаряжение у прикроватной тумбочки, автомат поставил в пирамиду.

Вскоре пришёл отец. У него в подчинение взвод курсантов четвёртого курса, им объяснять много не нужно, да и умеют они несравнимо больше, чем первокурсники, не говоря уже об их физической подготовке.

– Папа, то, что сказал начальник училища, это действительно так, или он накрутил? Что нужно этим агрессивно настроенным студентам, вооружившимся палками и прутьями из арматуры?

Неужели они собираются захватить здание Центрального комитета компартии Казахстана? Ведь это может привести к Гражданской войне и развалу страны?

– Может, сын, всё может быть... Обстановка более чем серьёзная. В Москве прошёл Пленум Центрального комитета компартии, на нём сняли первого секретаря ЦК Динмухамеда Кунаева и назначили Геннадия Колбина. Казахам это не понравилось и похоже на то, что они хотят свергнуть его, – сказал отец.

Оттого что сняли Кунаева, на душе у Клима стало теплее. Он ещё не забыл семейку Байжановых, которая хотела упрятать его в тюрьму за драку с их отпрыском Аскарком. И упрятала, если бы за него не вступился начальник училища...

– Кунаеву и его прихвостням так и надо! – не сдержался в резкой оценке Клим.

– Сын, придержи язык за зубами, – сухо сказал отец. – Не дело военного человека лезть в политику. У него есть главный аргумент к действию – это воинский устав и приказ командира, а подобного рода разглагольствования – удел гражданских лиц.

Подшли друзья Клима, хорошо знавшие, что офицер, с которым сейчас беседует их друг на площадке спортивного городка, капитан Максим Ломакин, его отец.

– Кто такой Колбин? – спросили они. – Про Кунаева мы знаем, – сказал кто-то из друзей Клима, – его бюст стоит на Старой площади, он что-то строил, что-то осваивал, а этот? – И тут же следующий вопрос, а правда ли, что все вышедшие на площадь обкуренные?

Отец посмотрел на Клим и усмехнулся. Понятно. Что тут поделаешь, если это действительно волнует молодёжь. У него во взводе настроения совершенно другие – его парни рвутся в бой, они настроены на драку и уверены, что всем, кто попытается пройти их кордон, мало не покажется...

– Геннадий Колбин был первым секретарём Ульяновского обкома компартии, – сказал им Максим. – Про обкуренных казахов, мне ничего не известно, хотя предположить можно, ведь многие из них любят задурить себе зельем голову...

– А Колбин русский? – последовал уточняющий вопрос.

– А какая разница, казах или русский? Главное, чтобы человек был хороший. Руководство страны решило поставить его...

– А казахи, которые вышли на площадь так считают?

Отец Клима укоризненно покачал головой.

– Умеете вы, парни, задавать непростые вопросы, – усмехнулся он. – Мой ответ – они вряд ли так считают. Но, несмотря на это, мы должны быть готовы пресечь возможные с их стороны погромы и бесчинства. А такие попытки обязательно будут, на это указывают экстремистские листовки, которые уже активно распространяются в молодёжной среде...

По селектору прозвучал сигнал «Тревога. Сбор!». Увидев бегущего посыльного из своего подразделения, Максим спешно распрощался с Климом и его друзьями и быстрым шагом направился в свою казарму.

– Береги себя сын! Не лезь зря на рожон! – бросил он ему на прощание.

– Ты тоже, папа, береги себя!

По прибытии в дивизион Максим выяснил, что к месту событий – на Брежневскую площадь едет только четвёртый курс, а остальные в резерве. Это правильно! Нечего молодёжь толкать в пекло, – с одобрением подумал он, о решении, принятом начальником училища.

Но то, что оружие и снаряжение было предписано не брать, не понравилось никому – ни курсантам, ни их командирам.

– Почему, товарищ капитан, форма одежды у нас повседневная? – роптали его подчинённые. – Бунтари с ломачами и арматурой, а мы с голыми руками...

Максим не нашёл лучшего, чем сказать им:

– Начальству видней...

Хотя в его подсознании мелькнуло, а может командование до конца не верит, что возможен и трагичный исход происходящего.

В отличие от него, его близкий друг Николай, командир второго взвода, откровенно был возмущён этим решением.

– Зря мы никакого снаряжения не берём, – заявил он. – Кишками чувствую, что у казахов будут ножи, заточки и арматура. Они, как только увидят, что пустили нам первую кровь, остановить их будет трудно...

– К машинам! По местам! – послышался раскатистый голос командира дивизиона.

Колонна ЗИЛ-131, вытянувшись в цепочку, выехала за ворота хозяйственного контрольно-пропускного пункта.

Менее чем через полчаса колонна грузовиков с курсантами въехала на площадь Брежнева со стороны здания ЦК.

– Повезло нам, товарищ капитан, что объездные дороги не были забиты народом. Если мы с вами поехали бы по центру, то там нас попросту могли не пропустить, – сказал водитель ЗИЛа.

Максим поразился. Он никогда не видел здесь столько людей, вся площадь перед зданием ЦК и прилегающий к ней проспект были забиты молодёжью.

Первая линия оцепления, состоящая из сотрудников милиции, стояла по рубежу правительственной трибуны, у самого края площади...

– Посмотрите, товарищ капитан, экстремистская молодёжь милицию снежками забрасывает, – обратил его внимание замкомвзвода старший сержант Астапенко. – Может быть, мы сюда зря приехали, они просто решили в снежки поиграть, – рассмеялся он.

Максим хотел тоже сказать что-то в этом роде, но тут разглядел, что это не снежки, а куски белого мрамора, оторванные от облицовки фонтанов, которые непрерывно летели в сторону милиционеров.

От ударов этих «снежков» из милицейского оцепления один за другим выпадали сотрудники с рассечёнными головами.

– Разувай глаза, Астапенко, это не снежки, а куски белого мрамора.

– Я уже сам понял, что это не снежки, товарищ капитан...

Комбат отдал команду рассредоточиться, занять позиции в шеренгах по всему периметру здания ЦК. Взвод Максима занял позицию у центрального входа.

Началось нервное противостояние. Национал-демократы агрессивно размахивали плакатами: «Требуем самоопределения!», «Каждому народу – свой лидер!», «Не быть 37-му году!», «Положить конец великодержавному безумию!».

Людское море улюлюкало, свистело и издавало звериные рыки. Камни летели всё чаще, толпа всё сильнее напирала на первую линию оцепления. Милиция и солдаты внутренних войск из всех сил сдержали натиск. Но надолго ли?

Прав был Николай, говоря, что не дело сдерживать разъярённую и вооружённую толпу голыми руками, – с досадой подумал Максим.

С трибуны вещал начальник училища, пытаясь урезонить толпу. В ответ на его призывы полетели камни...

– Если, не прекратите беспорядки, то я спущу на вас пограничников, – в гневном запале прокричал он.

От этих генеральских слов на душе у Максима стало тоскливо. Покоробили его слова «спущу пограничников». К тому же в неравной драке против набирающей силу толпы вероятность потерять кого-либо из подчинённых была высока и это его сильно удручало.

Послышались сигналы подъехавших машин. Привезли малые сапёрные лопатки и шлемы. Настроение у защитников здания ЦК резко скакнуло вверх. Курсанты быстро разобрали снаряжение...

Камни продолжали лететь, агрессия толпы набирала обороты, становилось всё нервознее. Подошёл Николай, он был весь на взводе.

– Помнишь, я говорил, что нельзя ехать разгонять толпу голыми руками?

– Помню, Коль, твои слова. Нерешительность командира – враг номер один.

– Так, вот, Максим, у меня есть информация, что из Тбилиси прилетел тюремный спецназ – огромные усатые дядьки, в белых касках с забралами, резиновыми дубинками, противоударными щитами, и в милицейских шинелях.

А сейчас мы ожидаем прибытие оперативных резервов внутренних войск из Кара-Кемир и Ташкента, а потом пойдём в атаку.

Курсанты пожарного училища и школы милиции тоже в деле. Курсантам общевойскового командного училища повезло меньше, чем нам.

Их «Уралы» на подъезде к площади были заблокированы бензовозами, почти во всех машинах экстремисты выбили стёкла, но им всё-таки удалось прорваться. Много курсантов ранено. У них четвёртый курс на стажировке, в переделку попала молодёжь...

– Во, сволочи! – выругался Максим. В его душу закралась тревога. В казарме остался его сын с товарищами, которых тоже могут бросить в это пекло, как этих молодых курсантов из общевойскового училища.

– Забыл ещё сказать, – спохватился Николай, – на подступах к Алма-Ате создана крупная группировка в несколько десятков тысяч военнослужащих из состава частей Среднеазиатского, Московского, Ленинградского и других военных округов.

С моря Актауская бухта и подходы к ней заблокированы кораблями и катерами Каспийской военной флотилии. Так что национализм в Казахстане не пройдёт, мы его раздавим...

– Похоже на то, что обстановка назревает серьёзная, раз такие силы задействованы, – заметил Максим. – Кстати, откуда это тебе стало известно?

– Ты, наверное, забыл, у меня дядя полковник в политотделе МВД, – напомнил ему Николай. – Я только что встречался с ним.

– Понятно, – хмыкнул Максим. – И тут же поправил себя, – ни хрена мне непонятно. Что мешало Москве поставить на должность кого-либо из местных, к примеру, Назарбаева или Мендыбаева.

Они только, что вещали в микрофон, видно, мужики умные, один председатель Совета Министров республики, другой – первый секретарь обкома партии. – А так зальём площадь кровью, поломаем человеческие судьбы в борьбе за чужую правоту, а потом признаем и будем сожалеть о своём решении, – с горечью в голосе констатировал он.

– Насчёт того, будем ли сожалеть, не знаю, человек порой бывает той ещё скотинкой, – иронично заметил Николай.

– Ты прав, Колян, – согласился с ним Максим. – Впрочем, и казахов понять можно. У них обида на Москву живёт ещё со времён Хрущёва. Мне один старый казах как-то поведал, что когда Никита Сергеевич приехал в Казахстан, то воскликнул с трапа самолёта: «Пламенный привет узбекскому народу!».

Николай рассмеялся.

– Что тут скажешь. Хрущёв – тот ещё фрукт! Он однажды про Албанию сказал, что там крестьяне меньше хлеба едят, чем у нас мыши на полях. В результате мы для албанцев стали врагами навек...

– А может быть, всё это байки?

– Ну, не знаю, – сказал Николай. – Мне почему-то так не кажется. Взять, к примеру, наши отношения с Китаем, Хрущёв рассорился с Мао – «красным солнышком» из-за объявленного им культа личности Сталина. И что в результате? А в результате, конфликты на границе и гибель наших парней на реке Уссури в марте 1969 года.

– Замечу, что потери китайцев там были немалые – около шести тысяч убитыми положили нашими «градами», – заметил Максим.

– Да уж, – протянул Николай, – роль первого лица в жизни нашего общества непустой звук. Придёт в его голову какая-либо воинствующая дурь и полетели головы его верных холопов..., – с сарказмом заметил он.

Николай ушёл. Максим внимательно посмотрел на своих парней.

Лица сосредоточены, взгляды направлены в сторону оцепления. Интересно, какие мысли сейчас роятся в их головах, – подумал он.

Толпа тем временем заметно прибавила в численности и принялась активно бесноваться. Подогнали пожарные машины и начали метателей белого мрамора, разламывающих облицовку фонтанов, сбивать струёй воды из брендспойтов в ямы фонтанов.

По телу Максима пробежали мурашки, он отчётливо представил себе насколько холодно должно быть им. На улице было не то чтоб совсем холодно, но морозец ощущался...

Стемнело. С трибуны нескончаемо велись уговоры, один за другим сменялись ораторы. Они призывали молодёжь вернуться на свои учебные и рабочие места, но все их увещания не увенчались успехом, зато дали результат призывы подстрекателей – число погромщиков кратно увеличилось.

Через час критическая масса вызрела, и вся толпа с оголтелыми криками бросилась на штурм здания ЦК. Завязалась драка с милицейским оцеплением и солдатами внутренних войск. В ход пошли колья, арматура, камни, солдаты в ответ применили ремни и дубинки.

Попытки усмирить толпу оказались безрезультатными. По цепочке передали, что зверски убит дружинник – работник местного телевидения, тяжело ранен майор милиции...

Прибежал посыльный от комдива.

– Приказ командира дивизиона. Всем приготовиться к атаке, – объявил он. – Начинаем, когда включат прожектора. На позициях нас сменит третий курс...

По курсантским шеренгам прокатился гул одобрения. Им надоело многочасовое противостояние – это было не в их духе.

– Парни, приготовиться к атаке! Будем очищать площадь! Действовать решительно, себя и своих товарищей в обиду не давать! – отдал команду Максим.

– Наконец-то, – послышались одобрительные возгласы его подчинённых. – А то нам пора уже в коечку, – пошутил кто-то. Курсанты принялись разогревать части тела к предстоящей схватке с многочисленным противником.

Наконец, площадь осветили училищные АПМ-90 – автомобильные прожекторные станции. В ответ протестующие подожгли в разных местах несколько автомобилей, в их числе пожарную машину.

Языки зловещего пламени от горящих автомобилей высвечивали из темноты явно недружественные оскалы людских лиц. Пожар противостояния разгорался...

По улицам справа и слева от площади начали выдвигаться атакующие группы милицейских резервов, грозно постукивая палками в пластиковые щиты.

– Дивизион, вперёд! – донёсся голос командира дивизиона.

– Взвод, вперёд, – продублировал команду своего старшего начальника Максим.

Курсанты шли, молча, угрожающе размахивая сапёрными лопатками. На них с истошными криками и пронзительными свистами набросилась наиболее агрессивная часть протестующей молодёжи, в руках которой были камни, арматура и ломы.

Максим видел, как на левом фланге ожесточённо отбивались от нападавшей толпы четверо его курсантов, вставших спиной друг к другу. У одного из курсантов был разбит шлем, и струйка крови стекала по его щеке.

С пятёркой курсантов, входящих в его личный резерв, он бросился на помощь к ним. Помощь была своевременной. Над раненым курсантом, опустившимся на колени, озверевший бандит, крепкого телосложения, замахнулся в очередной раз ломом...

Удар сапёрной лопаткой, в который Максим вложил изрядное количество злости, превратил бандитскую руку в безжизненную плеть. Огромный детина завопил от боли белугою, лом выпал из его рук, и он опустился рядом с раненым курсантом на колени...

Максима окружили несколько студентов с палками. Для их вразумления ему не потребовалась сапёрная лопатка. Двигаться он умел очень быстро. В считанные секунды двое молодых казахов были сбиты с ног мощными ударами его кулаков.

Получив отпор, нападавшие обратились в бегство, цепочка на фланге была восстановлена. У других дела обстояли намного лучше...

Вскоре толпа под жёстким натиском пограничников начала быстро покидать площадь. В работу включился спецназ МВД, его люди группами врываются в толпу, выхватывали наиболее агрессивных демонстрантов и грузили их в «автозаки». Через час площадь была полностью расчищена.

Максим перевёл дух и огляделся. Площадь производила тяжкое впечатление: разбитые машины, следы пожаров, камни, разбросанные палки, колья, сожжённая, ещё дымящаяся пожарная машина.

С докладом подошёл замкомвзвода старший сержант Остапенко.

– Товарищ капитан, у нас шесть человек легкораненых, у одного курсанта пробита голова, всем им уже оказана медицинская помощь. – Во втором взводе дела обстоят хуже – двое тяжело раненых.

– Спасибо, Василий, – поблагодарил своего подчинённого Максим. – Будем ждать команды комдива...

На площади неожиданно появилась миловидная казахская девчушка, лет восьми. Она ехала на скейтборде, разогнавшись она неожиданно наскочила на одного из курсантов.

Девочка распахнула глаза и смущённо произнесла: «Ой, простите, пожалуйста», а потом улыбнулась, да так, что всё её лицо просияло. Пострадавший поневоле улыбнулся ей в ответ, потирая ушибленную голень.

– Вы знаете моего старшего брата, курсанта-пограничника Аббаса Кусаинова? – спросила она его. – Моя мама говорит, что его могут здесь поколотить.

– Кто знает Аббаса Кусаинова? – прокричал громко курсант.

Выяснилось, что её брата на площади не было, так как он учится на первом курсе, в одном дивизионе с Климом. Девочка поблагодарила всех, присела в глубоком книксене и покатила дальше. Вслед ей раздались восторженные хлопки курсантов.

Девчушка обернулась и помахала им в ответ рукой.

Глава четвёртая

Максим облегчённо вздохнул – наконец-то пришёл долгожданный перевод к новому месту его службы. Этим местом, как он и хотел, явился Дальний Восток, а конкретнее, остров Сахалин. Уже после новогодних праздников он должен убыть в Тихоокеанский пограничный округ, в город Владивосток. Эта новость приятно тешила и согревала его душу.

После развода с женой он только и мечтал, чтобы уехать служить подальше от Алма-Аты. Остров Сахалин, по его мнению, был именно таким местом.

С сыном проблем у него было, Клим был пристроен, учился хорошо, занимался спортом, сохранил нормальные отношения с матерью. Ну, и наконец, имел подружку, что для молодого человека, находящимся на казарменном положении было делом весьма важным.

Максиму оставалось заказать билет, собрать вещички, отправить багаж и накрыть стол для прощального ужина со своими друзьями и коллегами...

День чекиста, о котором так много говорили в пограничном училище, в связи с ожидаемым приездом «Штирлица», ушёл в небытие. Причиной тому явились новые волнения среди молодёжи на национальной почве, но уже в Караганде. Как и в столице, бузить там стали студенты нескольких вузов. Пограничное училище вновь перевели в режим «Постоянная боевая готовность».

Клим к переводу отца отнёсся спокойно, ибо это событие было ожидаемым. А также спокойно он отнёсся и к тому, что столь желанная встреча с известным актёром кино не состоялась. Единственное, огорчало его и его друзей, это то, что их курсу не удалось поучаствовать в подавлении экстремистского мятежа.

Их вовсе не смущал тот факт, что госпиталь и медсанчасть были забиты курсантами старших курсов, получившими ранения и увечья во время стычек с экстремистами. Все они, в их глазах, были героями.

Понятное дело, молодёжь, им только предоставь возможность ободрать свои кулаки в потасовке с противником, а во имя чего, этот вопрос у них не возникает. Главное, для них это – НАДО! Как тут не вспомнить западных психологов Лоренца и Мюррея, а также их сподвижников, утверждавших, что человек драчлив по своей природе.

Иное дело с оценками произошедших событий обстояло в офицерской среде. Если вначале у курсовых офицеров, так же, как и у их подопечных, преобладали воинствующие настроения, то позже оно круто поменялось.

Стало известно, что большое количество задержанных молодых людей было вывезено специальными машинами и автобусами за несколько десятков километров от города, где они были оставлены полураздетыми в поле на снегу, а с некоторых были сняты брюки. В адрес сотрудников правоохранительных органов посыпались неллицеприятные оценки.

Они что совсем одурели? – витал в воздухе единый у всех вопрос.

– Может быть, это всё-таки наговор? Неужели наши славные правоохранители дошли до такой дикости, – усомнился Максим в разговоре с Николаем.

На что Николай знающе хмыкнул.

– Какой там наговор. Мой дядя всё это подтвердил, он даже по этому поводу написал письмо своему руководству и в ЦК партии. Солдаты внутренних войск по несколько часов заставляли задержанных лежать на земле. При этом они добивались, чтобы те обязательно грудью задевали землю, а тот, кто хоть на секунду посмел поднять голову или оторвать грудь от земли, сразу же получал от них очередной удар дубинкой.

– Ужас! На дворе не май-месяц, а декабрь, – возмутился Максим. – Представляю, какая ненависть переполняла их души...

– Любви к нам – русским такое скотское поведение по отношению к местным точно не добавило...

– Ты прав, не добавило.

– Кстати, а что руководство, ответило твоему дяде?

Николай усмехнулся.

– Его вызвали в ЦК партии, и один из секретарей злобно сказал ему: «Ты что ж им своё одеяло не принёс из дома?».

– Ну, и рыло этот секретарь. А ведь всё начиналось с мирных лозунгов, казахи лишь хотели отмены назначения чужака – Колбина и избрать вместо него казаха или хотя бы казахстанца, за что их и «отметелили» по полной программе.

– Дядя сказал, что правоохранительными органами было задержано около десяти тысяч человек, около двух тысяч казахов получили черепно-мозговые травмы. А сколько человек вывезли в поля, над сколькими поиздевались – это одному господу богу известно. Вот во что обошлась операция под названием «Метель».

А этот секретарь ЦК компартии – рыло, – с презрением сказал Николай. – Он поставил вопрос перед руководством МВД, чтобы моего дядю уволили из органов, как несознательного элемента.

– Твой дядя, наверное, переживает?

– Да, нет. Он плюётся..., – усмехнулся Николай. – Говорит, что ни дня больше не хочет работать на эту власть. Ведь по указаниям ЦК в городе порядке были сформированы народные дружины из числа русских, численностью порядка десяти – пятнадцати тысяч человек. Для них на заводах изготовили вооружение – обрезки арматуры, цепи, резиновые кабели, якобы для самообороны и защиты от хулиганов из числа казахов.

В своём письме, копию которого я читал, он написал о недопустимости формирования дружин по национальному признаку, ибо это может привести к необратимому расколу между двумя братскими народами, жившими многие годы в дружбе и согласии.

– Молодец твой дядя. А ещё молодец наш генерал, – добавил Максим. – Я слышал, что ему предложили представить личный состав, который был на площади у здания ЦК, к награждению медалями «За отличие в охране общественного порядка», так он отказался, счёл негеройским делом для пограничников разгонять сапёрными лопатками свой народ.

По лицу Николая пробежала ухмылка.

– Ему предложили медали, чтобы понесённый нами материальный ущерб не восстанавливать. С медалями проще – вручили и забыли. – А так сорок девять тысяч шестьдесят шесть рублей надо выплатить, – ехидно хмыкнул он.

– Откуда знаешь про этот ущерб?

– Всё оттуда же – от своего дяди. Впрочем, хватит о нём. Скажи лучше, как обстоят дела у твоего сына – Клима, – поинтересовался Николай, перед тем как уйти, – наверное, рад, что в заварушку не попал и кирпичом по физиономии не получил?

– Если был бы рад..., – рассмеялся Максим, – а то горюет со своими дружками, что не представился шанс отличиться, забывая о том, что на поле брани всякое бывает...

– А подружка у него есть?

Максиму неожиданно стало смешно.

– Не поверишь, но геройство для моего сына важнее, про подружку он на время забыл. А она ведь учится в художественно-театральном институте, – в этом рассаднике экстремизма, – неожиданно встревожился он. – Там почти девяносто процентов местного этноса, кабы беды с ней не приключилось...

Вывод Максима относительно своего сына был ошибочным, уже вечером Клима пришёл к нему в канцелярию. Он выглядел крайне озабоченным.

– Пап, – выпалил сын с порога, – меня замкомвзвода отпустил к тебе всего на десять минут, поэтому слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты заехал к Дусе и передал ей моё письмо. Ей будет приятно получить его в канун Нового года, в нём пара немецких новогодних наклеек. Дуся уже две недели молчит, у меня плохое предчувствие, не случилось что-либо с ней...

– Не волнуйся, сын. Перед Новым годом почта перегружена, поэтому идут сбои. Кстати, откуда, к тебе прилетел контрабандный товар? – поинтересовался Максим.

– Наклейки мне подогнал Толик, у него брат служит в Германии, в группе советских войск.

– А-а-а, – протянул Максим, – там такого добра много. У дембелей, отслуживших в Германии, наклейки почитаемый атрибут.

– А ещё брат выслал Толику авторучку с голой девушкой, которая одевается и раздевается. Забавно! Он показал её только мне, потому как боится, что у него её заберут. Скажут, что не положено...

– И правильно скажут, – усмехнулся отец.

– Ты когда письмо Дусе отдашь?

– Сегодня и съезжу к ней. Она там же в «Компоте», на улице Яблочной?

– Да, – рассмеялся Клим, она живёт там же, номер её дома 21...

На тёмном декабрьском небе вспыхнули одна за другой осветительные ракеты, озарив жёлтым светом частные постройки жилого сектора, названного в народе «Компотом» из-за его улиц, носящих фруктовые названия: Яблочная, Грушевая, Виноградная...

Трое молодых парней, одетые в чёрные дублёнки, с поднятыми воротниками и надвинутыми на глаза кепках, распахнули калитку и решительно вошли во двор небольшого дома.

Непроглядную тьму во дворе рассеивал только свет одиноко болтающего на столбе уличного фонаря, да полоски жёлтого света, просачивающиеся через щели в деревянных ставнях небольших перекошенных оконцев.

Один из непрошенных гостей, подкрался на согнутых ногах, к окну и осторожно заглянул в одну из щелей ставень.

– Вижу двух баб, – проговорил быстро он.

– Смотри лучше. Их должно быть три, – процедил сквозь зубы его поделник.

– Нет, их две...

– Значит, третьей крупно повезло, – зло хохотнул он...

В доме действительно находились две женщины – Дуся и её мать Елена Феликсовна Тобольская. Бабушка – Матрёна Ильинична, которую Дуся звала «старой мамой», захворала и уже несколько дней находилась на излечении в городской больнице.

Женщины сидели за столом и лепили к Новому году пельмени. В углу громко тикали старинные напольные часы.

Дуся уже вторую неделю прогуливала занятия в институте, из-за внезапной агрессии к ним «этносов», так они с подружкой Аллой, называли меж собой студентов из числа казахов. «Этносы» в их институте составляли подавляющую часть, но это их не беспокоило, но, как оказалось, лишь до поры до времени – до наступления «Желтоксана».

Институт в одночасье превратился в бушующее море человеческих страстей. В его коридорах появились взрослые дядьки в окружении старшекурсников, явно неотносящиеся к числу преподавателей. Все они что-то злобно выкрикивали на казахском языке, и разбрасывали листовки с воинствующими призывами.

Через несколько часов в руках их сокурсников неведомо откуда взялись металлические штыри и цепи, которыми они демонстративно размахивали, бросая при этом многозначитель-

ный взгляд в сторону студентов из числа русской национальности. Их лица при этом горели гневом, а глаза были наполнены безумием...

На выходе из института их с Аллой остановила группа старшекурсников, во главе с известным в институте спортсменом по кличке «Абдрахман». Им сунули транспаранты с надписью: «Казахстан – казахам!» и, под угрозой физической расправы, заставили идти вместе со всеми на площадь Брежнева. По дороге им удалось затеряться в толпе и сбежать...

Уже вечером из телевизионных новостей они узнали о кровавом побоище, произошедшем на площади у здания ЦК компартии Казахстана.

Кадры хроники засвидетельствовали как многотысячная толпа, состоящая в основном из студенческой молодёжи, вооружённая колющими, арматурой и ломом, с громкими криками бросилась на штурм здания ЦК, пытаясь опрокинуть шеренги солдат, милиции и пограничников.

Объектив запечатлел растерзанное тело работника местного телевидения, шестнадцатилетнего русского мальчика, их сверстника, заколотого ножом в автобусе кондуктором, а также истекающего кровью молодого казаха...

Все дни, пока по телевидению транслировались видеозаписи кровавого побоища, Дуся внимательно всматривалась в лица пограничников, державших оборону у входа в здание ЦК, ведь среди них мог быть Клим.

Ей даже показалось, что она увидела его отца, но потом засомневалась. У неё была плохая зрительная память, к тому же она видела его лишь дважды в своей жизни.

О продолжении учёбы в институте, после случившегося, не могло быть и речи. Дуся это прекрасно понимала, но вот, как сказать об этом матери, не знала. Поэтому разговор на эту тему она решила составить по завершении новогодних праздников.

Уйти из института решила и Алла. Она, в отличие от своей подруги, всё уже рассказала своим родителям. Решение её отца было категоричным.

– Из этой «бурсы» тебе нужно уходить, её ещё долго будет лихорадить, – сказал отец. – Казахи народ злопамятный. Да и дружбу с курсантами пограничного училища они тебе и твоей подруге не простят, – добавил он к сказанному.

– Дуся, к нам во двор, кажется, кто-то зашёл, – испуганно сказала мать, – я слышала скрип калитки...

Дуся вышла в спальню и посмотрела в прорезь оконных портьер. Сердце её обмерло. Двое парней, стоявшие напротив окон их дома, были хорошо ей известны, и она их узнала сразу.

Это был «Абдрахман», угрожавший ей и Алле расправой в случае, если они откажутся пойти с ними на площадь, и Аскар Байжанов – друг Газизы, которого когда-то поколотил Клим.

– Мама, мы никому не открываем, – побледнев, прошептала она.

– Конечно, доченька, не открываем. Поздно уже...

Раздался стук в дверь. Мать, преодолевая страх, вышла в коридор и осторожно подошла к входной двери.

– Кто там?

– Здравствуйте! Мы институтские друзья Дуси. Хотим поздравить её с наступающим Новым годом, – послышалось в ответ...

Мать обернулась и вопросительно посмотрела на дочь. Дуся отчаянно мотала головой, – не надо открывать!

– Её нет дома, она у подруги, будет завтра.

За дверями послышалась какая-то возня.

– Еетірік айтасын! (лживая сука, казахск.) – прохрипел злобный голос, – твоя дочь дома и подарок свой она от нас получит, хочет она того или нет...

– Немедленно уходите, иначе я вызову милицию!

– Вызывай, если сможешь!

Мать бросилась к телефону и набрала «02».

– Аллю! Милиция!

Трубка ответила безмолвием.

– Мама, они перерезали провод...

– Послышался звон разбитого оконного стекла...

Женщины бросились в комнату, но уже на пороге отпрянули назад от волны жара, хлынувшей им навстречу. Внутри комнаты бушевало пламя. Нос уловил запах огня и бензина.

– Помогите! Горим! Пожар! – закричала мать и тут же закашлялась от едкого дыма. – Доченька, бежим из дома!

Они побежали к входной двери, но открыть её не смогли, – преступники подпёрли её снаружи. Дусю, от страха быть сожжённой в огне, парализовало: она не могла ни кричать, ни плакать...

Мать не сдавалась. Она опрокинула на пол бочку с водой, стоявшую в коридоре, и тем самым высвободила вход в подполье.

– Лезь быстрее в подпол! – приказала она дочери, и, не дожидаясь, когда она это сделает, схватила за руку и буквально втащила её туда...

Вот и Яблонева улица. Там за поворотом дом, в котором живёт Дуся с матерью и бабушкой. В свете автомобильных фар Максим рассмотрел троих молодых казахов, бежавших по дороге навстречу ему.

Увидев его «Жигули», один из них поднял руку. Максим сразу узнал его. Это был выродок семейки Байжановых, который попортил немало ему крови, утверждая, что Клим во время драки обчистил его карманы.

– Ну, уж нет! Взять могу только оленем на капот! – процедил сквозь зубы Максим и утопил в пол педаль акселератора. В нём неожиданно вновь вскипела злоба к нему и всем тем, кого он несколько дней назад усмирлял на площади.

Вот и дом семьи Тобольских. Но что это? Из окон дома вырывались наружу языки пламени.

– Чёрт! – выругался он. – Похоже, что те отморозки, которые попались ему навстречу, подожгли этот дом.

Он выскочил из машины и вбежал на крыльцо. Ударом ноги выбил доску, подпиравшую входную дверь, и вошёл в дом. Пинком распахнул дверь в комнату. В ней всюду бушевал огонь, оранжевые языки пламени лизали стены.

Он глянул вверх. Потолок также полыхал, и с него вниз сыпались искры. Того и гляди, что скоро обрушится. Дым практически не давал что-либо разглядеть. Максим на мгновение замер в отчаянии.

– Есть, кто в доме! – крикнул он и прислушался. Никто не отозвался. Слышен был только гул и треск набирающего силу пожара.

Максим поднял воротник бушлата, опустил клапана армейской шапки, вжал голову в плечи, вдохнул полной грудью и бросился сквозь огонь внутрь комнаты. Вокруг всё полыхало. Быстрым взглядом окинул комнату, в ней никого не было.

Пинком открыл дверь в спальню. Здесь тоже было пусто. Закончился воздух в лёгких и кашель, вызванным едким дымом, взорвал его изнутри. Нужно было уходить...

Он выскочил назад в коридор. Нестерпимо жгло спину и ноги. Он сбросил с себя прогоревший бушлат на пол и тут увидел металлическое кольцо в доске пола. Это вход в подполье, – осенило его. Женщины могут быть там. Медлить нельзя. Он потянул кольцо на себя и поднял дощатую крышку, закрывавшую вход в подпол.

Их он увидел сразу. Мать и дочь лежали в бессознательном состоянии у нижней ступени лестницы. Он поднял их тела наверх, а затем вытащил во двор.

Уложив рядом на замёрзшую землю, он в первую очередь стал делать искусственно дыхание матери, рассудив, что у Дуси больше жизненных сил. Как только мать очнулась, он, не медля ни секунды, стал оказывать помощь Дусе.

Придя в сознание, мать какое-то мгновение смотрела очумевшими глазами на то, как Максим делал искусственное дыхание её дочери, затем опомнилась и принялась помогать ему. Наконец, в сознание пришла и Дуся.

Вскоре к ним подбежали жильцы ближайших домов, кто-то принёс тёплые вещи, женщин укутали...

Затем во двор въехала пожарная машина, за ней следом «Скорая помощь».

Глава пятая

В палату заглянула медсестра Катя.

– Товарищ пограничник, на перевязку! – скомандовала она Максиму, и довольная собой разразилась звонким смехом.

Пребывание Максима в ожоговом отделении городской больницы, куда он был доставлен машиной «Скорой помощи» вместе с Дусей и её матерью, подходило к концу. Ожоги на спине и ногах стали зарубцовываться, и он готовился к выписке.

Максим отложил книгу в сторону и поднялся с кровати.

– Слушаюсь, Катя, и повинуюсь! – покорно ответил он ей, сочленив при этом пальцы рук на уровне груди в восточном раболепии.

Несмотря что Катя была лишь немногим старше его сына, она неожиданно стала проявлять к нему повышенное внимание, и он не отказал себе в лёгком словесном флирте, который был весьма распространённым явлением среди выздоравливающих больных. В его основе была благодарность к человеку в белом халате и в меньшей степени физическое влечение.

Максим вышел из палаты, в коридоре его поджидала Катя. Её милостивое лицо озаряла лукавая улыбка.

– После того как я перевяжу вас, вы снова отправитесь на второй этаж в седьмую палату? – насмешливо поинтересовалась Катя.

Максим изумлённо уставился на неё.

– И кто это, Катенька, успел меня заложить? Наверное, это сделал твой тайный воздыхатель, который утром подарил тебе розы? – выдвинул он тут же версию.

– Вы чересчур наблюдательны, – смутилась Катя. – Мне за эти розы уже досталось от заведующего отделением. Этот тайный воздыхатель срезал их с клумбы, которая находится прямо под окном у заведующего.

– Понимаю..., – лукаво усмехнулся Максим. – Однако, на месте заведующего отделением я вздул бы ещё и романтического воздыхателя, чтобы не портил окружающую среду, подавшись своим вожделенным настроениям.

Катя бросила на него многозначительный взгляд. Ей явно понравилась реакция Максима.

– Хм. Но мой поклонник не заявляет о себе, и я не знаю, кто подарил мне эти розы. А может быть, это вы мне их подарили? – рассмеялась она. – Хотя вряд ли ваша пассия лежит в седьмой палате, и вы ей дарите розы с соседней клумбы...

Глаза Максима округлились.

– Что касается моего похода в седьмую палату, то там лежит девушка моего сына – Клим, курсанта пограничного училища. Кстати, Катенька, ты его можешь увидеть сегодня. У сына нет возможности её навестить, в связи с известными событиями на Брежневской площади отменили увольнения, поэтому девушку, которую зовут Дуся, навещаю я...

Катя глубоко вздохнула, её пальцы нервно крутили пуговицу на халате.

– Но там, кроме подружки вашего сына, есть ещё и её мама, – неожиданно ревниво сказала она и её голос при этом слегка задрожал.

Максим картинно вытаращил глаза, потом громко рассмеялся.

– Катенька, побойся бога! Я с мамой, мой сын с её дочерью? Это ж явная Санта-Барбара! Ну, и картину нарисовало твоё воображение.

Катя рассмеялась.

– Действительно, получился забавный любовный треугольник, даже в зарубежных романах такой сюжет нечасто встретишь.

– Да уж, – протянул Максим. – Я не любитель зарубежных романов. Но знаю, что в жизни бывает всякое. Мой отец как-то рассказал об одной забавной истории, случившейся с его другом, которую он сам поведал ему.

– Расскажите мне тоже эту историю.

– Но она с клубничкой...

– Ну, расскажите, – голосом маленькой девочки попросила Катя.

Максим пристально посмотрел в её смеющиеся глаза.

– Ладно, слушай. Друг моего отца жил в деревне со своей женой. Однажды и к ним приехала погостить родная племянница: шестнадцать лет отраду, косы до пят соломенного цвета, кровь с молоком, – русская красавица, одним словом.

Все было хорошо, но вот, в голову хозяина дома стали закрадываться всякие пагубные мысли и потерял он покой и сон. Неведомая сила тащила его из горницы, где он почивал со своей возрастной женой, на кухню, к печке, на которой спала эта красная девица. Лежит она на печи, зовущая, манящая, хоть жену бросай, – жаловался он моему отцу на гормональный взрыв организма.

– И что он? Бросил всё-таки жену?

– Катенька, не торопи события. На вопрос жены, почему он каждую ночь на кухню шастает, её благоверный, не мудрствуя, отвечал: «Жажда замучила, солоно покушали...».

– И что его жена? Неужели поверила в этот бред? – вновь в нетерпении прервала его рассказ Катя.

Максим рассмеялся.

– Нет, не поверила. Ведь солонина не каждый день на столе стояла. Поэтому она решила в один из дней проследить за своим мужем.

– И что?

– Она увидела, как её муж встал с кровати и направился на кухню. Подошёл с торца печи, отыскал небольшую скамеечку, встал на неё, осторожно стянул со спящей молодухи одеяло и принялся созерцать мутным взглядом её прелести. После чего, как ни в чём не бывало, возвратился обратно в супружеское ложе.

– Да уж, – в мягкой улыбке расплылась Катя, – не зря говорят: «Лучше в постели холодная молодуха, чем горячая старушка». Так, чем же всё-таки закончилась эта история? Семейным скандалом?

– Закончилась она довольно-таки забавно. Жена решила напугать своего мужа. Для этого она с вечера налила ведро холодной воды и поставила его на полати. Знаешь, Катя, что такое деревенские полати?

– Нет, не знаю, – честно призналась Катя.

– Полати – это такие нары, которые мостят в деревенских избах под потолком между печью и противоположной ей стеной.

– А-а-а..., начинаю уже догадываться, что было дальше. Жена привязала верёвочку к душке ведра и скрытно протянула её по избе. Затем, выбрав подходящий момент, когда муж в очередной раз стал любоваться обнажёнными прелестями деревенской махи, дёрнула за верёвку и окатила его холодной водой. Я не ошиблась?

– Не ошиблась. Все так и было. В результате муж со страху обмочил кальсоны, а молодуха даже не проснулась...

– У девушки явно хорошие нервы, оттуда и такой богатырский сон, – заметила Катя, – сейчас таких людей вряд ли встретишь, все уже с раннего возраста становятся неврастениками...

– Но, мы ведь, Катенька, с тобой не неврастеники?

– Нет, не неврастеники! – рассмеялась девушка.

– Ну вот, и замечательно. Теперь давай вернёмся, Катенька, к началу нашего разговора. Кто такая девушка из седьмой палаты на втором этаже я тебе рассказал, ну, а её мама вне подозрений, она отпала сама по себе.

– Нет, никто не отпал. Вы мне обещали не нарушать больничный режим, – обиженно надула губы фантиком она. – А сами что делаете?

– Не сердись, ты же знаешь, что Дуся из-за нервного стресса потеряла голос и не разговаривает, какой уж там флирт с ней? К тому же она совсем зелёная...

– Ничего не зелёная, она всего лишь на два года младше меня.

– Откуда ты знаешь её возраст? – удивился Максим. – Впрочем, о чём это я. У тебя ведь на всех этажах свои люди...

– Мне почему-то жалко эту девушку..., – неожиданно расчувствовалась Катя. – Она может остаться немой на всю оставшуюся жизнь. Её психика подорвана, и она теперь в каждом казахе будет видеть для себя угрозу. Ей следует срочно уехать из Алма-Аты, чтобы не было рецидива...

Максим в согласии кивнул. Он и сам все последние дни задумывался на сей счёт, но в голову ничего толкового не шло. И тут его внезапно озарило, теперь он знал, что ему следует предпринять. Осталось только дождаться сына и всё обсудить с ним.

– Спасибо тебе, Катенька, за подсказку. Ты права, находиться в этом городе обеим женщинам нельзя. Мать и её дочь являются не только потерпевшими, но ещё и свидетелями преступления, поэтому от них просто-напросто могут избавиться.

– Вот я об этом же..., – с пониманием сказала Катя.

Клим появился в палате после обеда.

– Привет, папа! Как ты? – раздался с порога его голос, который уже окончательно расстался со своей юношеской звонкостью и имел более низкую мужскую окраску.

Максим поднялся с кровати, и они обнялись.

– Извини, пап, что не мог ранее тебя навестить, – не отпускали...

– Всё нормально, сын. Я в курсе всего того, что происходит в училище.

– Нам теперь, пап, рекомендовано ходить в городе в «гражданке», а тем, у кого её нет, ходить группами не менее трёх человек. Сказали, что это мера временная, потому как в городе периодически возникают конфликты на межнациональной почве.

Пограничников не очень-то жалуют в городе, особенно молодые казахи...

– Сапёрные лопатки они нам долго ещё не простят, как, впрочем, и мы их камни и ломы, – сказал Максим.

– Не забудем, папа, это точно. Как дела у Дуси и её мамы?

– Гораздо лучше. Сейчас мы пойдём к ним, но прежде, я хотел бы поделиться с тобой одной мыслью, которая возникла у меня вчера.

– Слушаю тебя, пап.

Максим собрался с мыслями, потом пристально посмотрел в глаза сына.

– Мне вот что думается, сын, в трагедии, случившейся с семьёй Тобольских, есть и наша вина. Если бы Дуся не дружила с тобой, то к ним вряд ли бы пришли эти моральные уроды.

А так, через неё, они поквитались с нами за кровавый «желтоксан». Я ведь видел в тот вечер, недалеко от её дома, стоящих на дороге трёх парней.

Одного из них я узнал, это был Аскар Байжанов, тот самый, которому ты, в битве за Газизу, сломал передний зуб.

– Нифига себе! – присвистнул Клим и его глаза при этом гневно сверкнули. – Это точно он поджёг их дом. Он знал, что я учусь в пограничном училище и дружу с Дусей.

– Я тоже так считаю.

– Тогда их надо упрятать за решётку.

– Это сделать будет непросто. Тем не менее я всё рассказал следователю, который появился в палате на следующий день моего нахождения в больнице.

– Понятно. А следователь хоть русский или из казахов?

– Русский.

– А что, пап, за мысль пришла в твою голову? – вспомнил Клим.

Максим растёр костяшками пальцев виски, словно собирался что-то важное обдумать, а затем внимательно посмотрел на сына.

– Я вот что думаю. Нам нужно предложить Дусе и её матери поехать со мной на Сахалин. Ведь жить-то им негде, а на заставе у них будет жильё, время залечит их раны, а там видно будет.

Ты будешь приезжать в отпуск, а после окончания училища вы с Дусей примите окончательное решение. А может быть, такое решение вами будет принято и раньше.

Можно было бы предложить им мою квартиру, но в этом городе они вряд ли будут спокойны. От таких свидетелей преступники постараются избавиться...

Максим видел, как вытянулось на мгновение лицо у Клина. Но высказать своё мнение он не замедлил.

– Хорошая идея, папа. Они ведь действительно пострадали из-за нас. Мы просто обязаны так поступить. Вопрос лишь в том, возможен ли их переезд вместе с тобой на заставу, они ведь нам чужие?

– Возможен! На пограничной заставе всё возможно. Руководству пограничного отряда они будут представлены как невестка моего сына и её мать.

Училищному начальству я тоже всё объясню, и попрошу генерала, чтобы на них выписали проездные документы...

– Что ж, тогда пойдём и скажем им об этом, – решительно сказал Клим.

– Идём, сын!

Дуся считала, что внутренне она была готова к встрече с Климом, так как ждала его с первой минуты как оказалась в больнице. Но вот он вошёл в палату и слёзы ручьём хлынули из её глаз.

Клим обнял её за плечи и поцеловал.

– Здравствуй, Дуся! – тихо сказал он, наклонив голову.

Из груди Дуси, вместо слов, вырвался сдавленный стон.

Клим вздрогнул от неожиданности.

– Я знаю, что ты пока не можешь говорить, но мы ведь можем с тобой переписываться, у меня есть блокнот, давай присядем за стол...

– Я тебя люблю, несмотря ни на что! – вывел он первые слова на листке.

Глаза Дуси наполнились радостным светом.

– Я тебя тоже! – написала она в ответ.

Увидев сияющее лицо дочери, мать Дуси облегчённо вздохнула.

– Давайте и мы с вами поговорим в коридоре, – предложил ей Максим, – оставим молодёжь наедине...

Они вышли из палаты, и, найдя подходящее место, уселись напротив друг друга.

– Елена Феликсовна, – сразу перешёл к главному Максим, мы с сыном хотим, чтобы вы и дочь поехали вместе со мной к новому месту моей службы – на остров Сахалин.

Мы ведь уже не чужие – судьба и горе крепко связало нас. На пограничной заставе для вас будет жильё и всё необходимое. Там вы с Дусей будете в полной безопасности – это сейчас очень важно.

Отморозки, которые подождли ваш дом, вряд ли успокоятся, им грозит тюрьма и свидетели их преступления им не нужны...

Мать поникла и опустила глаза, у неё тоже навернулись слёзы. Такого предложения она явно не ожидала. О том, что им делать, как теперь существовать, когда на пожаре сгорело всё, что у них было, она думала все эти дни.

Рассчитывать на какую-либо материальную помощь со стороны правительства, ей и в голову не приходило, потому как отчётливо понимала, что после кровавого «желтоксана» это пустое дело.

– Но у нас нет, ни денег, ни каких документов – всё сгорело на пожарище. – А ещё у нас здесь бабушка – моя мама, – тихим и горестным голосом добавила она к сказанному.

– А где она сейчас? – О том, что есть ещё и бабушка, Максим не знал.

– На момент пожара она находилась в больнице, сейчас её выписали, и она уехала в Калкаман к своей родной сестре.

– Бабушку мы заберём с собой, – решительно сказал Максим.

Мать улыбнулась.

– Спасибо, Максим, за вашу готовность помочь нам, но...

– Никаких, но... Вам грозит опасность. Впрочем, нам всем грозит опасность. Я ведь, подъезжая к вашему дому, увидел тех, кто поджёт ваш дом. Я рассказал о них следователю...

Мать прокашлялась.

– Дуся тоже опознала двоих, она видела их в щель ставни. Эти изверги учатся вместе с ней в театральном институте на старших курсах...

– Значит, это более чем серьёзно, нам нужно уезжать не раздумывая. Вам в срочном порядке восстановят паспорта, у моего курсанта мама – начальник паспортного стола. Затем я закажу нам билеты на самолёт до Южно-Сахалинска. Соглашайтесь!

– Хорошо, я согласна... Что же касается бабушки, то ей лучше будет у сестры, вдвоём им веселее, да и приглядеть за ними там есть кому. У её сестры трое взрослых внуков.

– И ещё, – вспомнил вдруг Максим, – у вас, Елена Феликсовна, период пребывания на заставе зачтётся в трудовой стаж...

Её лицо на мгновение просветлело, она улыбнулась так, как это могут делать только любящие матери.

– Спасибо, Максим, я тронута вашим отношением к нам. С трудовым стажем у меня всё в порядке, я ведь уже как год нахожусь на пенсии.

На почте я лишь временно подрабатывала, а так по профессии я провизор. Работала в аптеках, сначала в Новосибирске, а потом в Казахстане. Дуся у нас родилась в Новосибирске...

– Извините, я даже предположить не мог, что вы на пенсии, вы так молодо выглядите, – восхищённо сказал в ответ Максим.

– Спасибо, Максим, за такой комплимент, он для меня совсем неожиданный. Мне казалось, что я почернела от горя. Я так сильно расстроена за Дусю...

Максим прокашлялся.

– Я уверен, что она обязательно поправится, а скорбь дело наживное. Главное, что вы остались живы...

– Ах, если не вы, Максим, чтобы с нами было, – вырвался из её груди стон.

– Там, наверху, – Максим ткнул пальцем в потолок, – было угодно, чтобы я оказался рядом с вами.

– Да, – кивнула покорно женщина.

– Меня выписывают завтра, а что говорят в отношении вашей выписки?

– Нас с Дусей выпишут на следующей неделе, так сказал нам лечащий врач.

– Мы с Климом приедем за вами. Жить до отъезда будете у нас. У нас двухкомнатная квартира, она будет в полном вашем распоряжении. Насчёт одежды не беспокойтесь, всё необходимое у вас будет.

– Спасибо, Максим, этого не нужно. Мои коллеги с работы и подруги дочери собрали нам два больших баула. К тому же я надеюсь, что нам будет оказана материальная помощь...

– Обязательно будет оказана, я в этом даже не сомневаюсь. Если будет необходимо, то создадим на этом направлении дополнительное усилие. У нас в дивизионе есть несколько курсантов, у которых очень влиятельные родители.

– Вы сейчас, Максим, так забавно сказали про направление и дополнительное усилие, – заметила мать Дуси с улыбкой на лице.

– Это, Елена Феликсовна, потому что я до мозга костей военный человек. Поэтому у меня это нередко проскакивает...

– Мне кажется, что вы, Максим, не такой, – сказала мать Дуси, окинув его тёплым взглядом.

Глава шестая

Дуся пристально всматривалась в окно иллюминатора. Самолёт надрывно гудел, слегка покачивая крыльями. Наконец, в иллюминаторе показалась земля, Дуся с облегчением вздохнула, полёт над морем основательно встревожил её душу и наполнил мрачными мыслями, которые были связаны с Климом и её физическим недугом.

Со времени пожара прошло более месяца, но горечь случившегося была так жива, словно всё произошло вчера. Она встряхнулась и отогнала от себя мрачные мысли. Хватит сетовать на судьбу, нужно верить в лучшее!

Посмотрела на мать и указала ей пальцем иллюминатор. Мать наклонилась вперёд.

– Вижу рыбаков на льду, – тут же объявила она. – Интересно, какую рыбу они ловят?

– Может быть, морских окуней? – высказал предположение Максим.

С заднего ряда раздался хриловатый мужской голос.

– Они ловят корюшку, – пояснил мужчина. – Великолепная рыбёшка. Вам обязательно с ней нужно познакомиться, от неё зимой исходит запах свежих огурцов.

– Спасибо за информацию. Обязательно с ней познакомимся, – поблагодарил его в ответ Максим.

В динамиках послышался шум. Командир экипажа объявил, что приземление рейса в аэропорту «Хомутово» города Южно-Сахалинска задерживается на непродолжительное время.

Самолёт закружил над сопками островного края. Пассажиры, большую часть которых составляли жители острова, спокойно отнеслись к тому, что их самолёт кружил, выискивая брешь в плотной пелене облаков, ибо непогода была для них обычным явлением.

Но вот, наконец, брешь была найдена, самолёт резко устремился вниз и уже через несколько минут его колёса гулко застучали по замёрзшей бетонной полосе.

По бортовой связи стюардесса объявила:

– Пограничный наряд! Просьба приготовить к проверке документы!

Все оживились. Салон наполнился гулом. Дуся посмотрела на Максима.

Он улыбнулся ей и полез во внутренний карман меховой куртки за документами. Вскоре к ним подошёл старший пограничного наряда – молодой офицер в звании лейтенанта и попросил предъявить документы. Максим протянул ему их паспорта, а также своё служебное удостоверение и предписание.

Офицер бегло взглянул на служебное предписание.

– С прибытием вас! – поприветствовал их офицер. – Я вас, товарищ капитан, хорошо помню по училищу, вы были курсовым офицером во втором дивизионе.

– Точно, был – расплылся в улыбке Максим.

– На привокзальной площади вас ожидает служебная волга, которую за вами направил начальник штаба пограничного отряда, – добавил к сказанному офицер.

Максим довольный данным обстоятельством посмотрел на женщин. Лицо Дуси и её матери тоже озарила улыбка.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – поблагодарил он офицера. – Рад встретить сослуживца.

Служебный автомобиль отыскали сразу. Прапорщик поприветствовал их и помог уложить вещи в багажник.

– Удивительно. Сколько снега лежит вокруг, – восхищённо заметил Максим, как только автомобиль тронулся с места.

– Это, товарищ капитан, последствия недавней снежной бури, которая продолжалась у нас почти четыре дня. Скоро сами увидите, что в городе вместо пешеходных дорожек пробиты в снегу тоннели, а во дворах утопают в снегу автомобили...

Немногим более чем через полчаса они въехали в город. И действительно зрелище, которое открылось им, поражало воображение. Кругом виднелись огромные кучи снега, окна первых этажей домов были занесены снегом, светофоры, утопленные в снегу, торчали как поплавки на водной глади.

Было по-зимнему тепло, горожане, не обращая внимания на последствия циклона, занимались своим обычным делом: кто-то спешил в офис на работу, кто-то катил своё дитя на салазках в садик, а кто-то, которую смену уже подряд, занимался очисткой города от снега.

– Ну вот, мы и приехали, – объявил прапорщик, ловко подрулив к крыльцу трёхэтажного здания управления пограничного отряда. – Гостиница находится в этом же здании, вход в неё справа, с торца. Номер, товарищ капитан, для вас заказан, отдыхайте, приводите себя в порядок.

Начальник отряда, ждёт вас у себя ровно в час. – Да чуть не забыл, – спохватился прапорщик, – офицерское кафе, находится на территории отряда, это неподалёку отсюда, метров триста, наискосок. Готовят там весьма неплохо...

– И куда же нас, Максим, направили служить? – с улыбкой на лице поинтересовалась мать Дуси, как только он появился в номере гостиницы. – Наверное, начальник отряда отправил нас к чёрту на кулички?

Максим загадочно улыбнулся.

– Нет, Елена Феликсовна, туда мы точно не едем. Я знаю лишь, что наша застава расположена на южном берегу охотского моря и полетим мы туда уже завтра. А сегодня после обеда мы отправимся смотреть соревнования горнолыжников по прыжкам с трамплина.

В них, помимо наших спортсменов будут также участвовать японские горнолыжники с острова Хоккайдо, так, что будет интересно. Оно будет проходить в знаковом для здешних краёв месте, которое зовётся «Горный воздух». Там есть два лыжных трамплина – на семьдесят и девяносто метров, а также горнолыжная трасса и канатно-кресельная дорога.

Начальник штаба пограничного отряда оказался выпускником алма-атинского училища, он выделил нам свою служебную машину.

– Как это здорово, что здесь в почёте горнолыжный спорт и кругом выпускники нашего пограничного училища, – с удовлетворением отметила мать Дуси.

Максим расплылся в улыбке и посмотрел на Дусю, она почему-то смутилась. Наверное, при упоминании училища подумала сейчас о Климе? – решил он.

– Я не думаю, что здешние спортивные сооружения такие же масштабные, как у нас на Медео и Имбулаке, но всё же...

Мне сказали, в тридцатые годы Тоёхара, так именовали тогда Южно-Сахалинск, претендовал в качестве города-кандидата на проведение Олимпийских игр 1936 года.

И что здесь особенно замечательно, так это необыкновенная природа, великолепная рыбалка и охота. Это мы в скором времени познаем обязательно, – заверил Максим женщин.

– Мы будем ловить корюшку, которая пахнет огурцами? – рассмеялась Елена Феликсовна.

– И не только её.

Дуся потянула мать за рукав, и когда она отреагировала, нарисовала пальцами на уровне её глаз контур дома.

Максим перехватил её взгляд, улыбнулся, взял её руку и накрыл своей большой и сильной ладонью.

– Проблем, Дуся, с жильём у нас не будет, у каждого будет своя комната. Дом благоустроенный, горячая и холодная вода есть, вся необходимая мебель и утварь тоже. Перед отъездом

мы купим всё необходимое, нам может понадобится на первое время – мне выдали хорошие подъёмные, так что денег у нас завались...

– Максим, мне так неудобно, ведь вы же..., – не успела досказать мать, как он тут же её перебил, – Извините, Елена Феликсовна, я понимаю, о чём вы хотите сказать, но у меня для вас есть новость.

– Какая? – настороженно спросила она.

– Сейчас к нам придёт начальник отряда, его зовут Владимир Тихонович, и с ним будет ещё один офицер, они пожелали познакомиться с вами и более того у них к вам будет предложение.

– Какое такое предложение? – испуганно спросила мать Дуси.

– Точно, не знаю, но оно может вам понравиться.

– Максим, скажите сейчас же, вы же знаете... – не успела закончить она, как в дверь раздался стук.

– Можно войти? – раздался голос снаружи.

Максим вопросительно взглянул на женщин. Дуся стремглав бросилась в спальню, закрыла за собой дверь и спешно залезла под одеяло. Мать усмехнулась и кивнула ему.

– Да, можно, входите, – ответил Максим.

В гостиничный номер вошли два старших офицера: полковник и майор. Первый – высокий и поджарый, с убелёнными сединами мужчина, немногим старше пятидесяти лет. Второй наоборот – невысокого роста, круглолицый, плотного телосложения, азиатского склада, вероятнее всего, тувинец.

– Что ж, давайте будем знакомиться, – сказал полковник, обращаясь к матери Дуси. – Я начальник пограничного отряда, зовут меня Владимир Тихонович.

– Елена Феликсовна, – представил её Максим.

– Тобольская, – добавила, смущаясь, она к сказанному. – Мою дочь зовут Евдокия, она сейчас спит, так как утомилась от перелёта, если вы не возражаете, то мы её будить не будем.

– Конечно, конечно..., – поспешил выразить своё согласие начальник отряда. – Мы с вами, уважаемая Елена Феликсовна, и вашей дочерью увидимся ещё не раз, такова специфика нашей службы – знать, как живут офицеры и члены их семей на пограничных заставах.

Сейчас же я к вам пришёл не только познакомиться воочию, но и предложить вам поработать фельдшером на пограничной заставе, куда вы уже полетите через несколько дней. Максим Александрович сказал, что у вас высшее медицинское образование, вы работали в аптеках и даже фельдшером на «Скорой помощи». Это так?

– Да, это действительно так. Мне работа фельдшера известна. Но дело в том, что все мои документы сгорели на пожаре...

– Мы в курсе всего того, что случилось с вами. Мы сделаем необходимые запросы и восстановим все ваши документы. Главное, чтобы вы согласились.

– Я согласна.

– Ну вот, и хорошо. Нам с вами крупно повезло. На отдалённой заставе своевременное оказание медицинской помощи является чрезвычайно важным делом. Со мной начальник медсанчасти пограничного отряда, которого зовут Александр Сотпаевич, он с вами сейчас побеседует на эту тему более обстоятельно, а работодатель, коим являюсь я, – рассмеялся начальник отряда, к сожалению, должен вас оставить. – Дела, куда от них денешься! – лукаво усмехнулся он.

Оставив Елену Феликсовну беседовать с начальником медсанчасти в комнате, Максим вошёл в спальню. Дуся, как и ожидалось, не спала, ей не терпелось узнать, по какому поводу явилось к ним начальство.

Максим взял блокнот, лежащий на тумбочке у кровати матери, и протянул его ей.

– Ты, наверное, сгораешь от любопытства?

– Да! – написала она в ответ. – Как прошёл визит начальства?

– Очень хорошо. У твоей мамы будет работа на пограничной заставе.

– Она будет поварить? – Лицо Дуси расплылось в широкой улыбке.

Максим приглушённо рассмеялся.

– Почему поварить? Нет, не поварить. Мама вспомнит свои молодые годы и будет работать фельдшером.

– Это ж здорово! Её так угнетает, что мы будем сидеть у вас на шее..., – написала она. – Мама довольная?

– Мне, кажется, что она довольная. Что касается того, кто будет сидеть на шее. Ты умеешь стряпать блины?

Глаза Дуси от удивления поползли вверх.

– Я буду на заставе стряпать пограничникам блинчики? – вывела она на бумаге очередную фразу.

– Так, умеешь или нет?

– Конечно, умею.

– Ну вот, и у тебя будет дело, – рассмеялся Максим. – Я обожаю блинчики. Кстати, как ты относишься к варёной сгущёнке?

– Очень положительно, – написала она. – Я её обожаю.

– Тогда я буду её варить для тебя всякий раз, как ты только соберёшься накормить меня блинами.

А ещё я буду ловить для вас с мамой лососей, чтобы ты и мама могли каждый день есть красную икру ложками. Кстати, блинчики будут хороши как с варёной сгущёнкой, так и с красной икрой.

– Мне такие перспективы, Максим Александрович, очень нравятся. Я уже хочу побыстрее улететь на нашу пограничную заставу, – спешно написала она.

– Я в восторге от твоего настроения. Пообещай мне, что ты в нём часто будешь пребывать.

– Обещаю. Я понимаю, что грусть напрасна, потому как жизнь прекрасна. Но должна при этом заметить, что есть одно «но», которое вы не приняли во внимание. То, что случилось со мной и мамой, прекрасным вряд ли назовёшь. Но, я, тем не менее постараюсь не испортить общую идеалистическую картину...

– Ты большая умничка! – восхитился ею Максим. – Климу повезло с тобой...

– Ну, не знаю, повезло ли ему? – быстро написала она. – Но потом на какое-то мгновение задумалась, после чего карандаш вновь заплесал в её блокноте. – Если мне ещё оглохнуть, то я буду идеальной женой, и глухая, и немая, т. е. никаких проблем, одни только достоинства: девушка не слышит, не возмущается, только детей рождает. Все мужики вокруг будут то и дело говорить: «Климу явно повезло с женой».

Максим вновь восхитился ей. Ему были симпатичны люди с юмором и самоиронией. Он и сам был таким.

– Извини, Дуся. Я перефразирую сказанное мной – пусть будет так, чтобы Климу с тобой не повезло. Главное, ведь, чтобы твой недуг отступил.

Убеждён, что море, скалы, чистый воздух, умиротворение красотой природы этого далёкого края, где твоя жизнь будет идти размеренным ритмом, без человеческой суеты, дразг, подлости, несомненно, прольётся чудодейственным бальзамом на твою израненную душу.

Я в это искренне верю, поэтому всё так и случится, ты в этом можешь даже и не сомневаться.

После столь продолжительного спича, Дуся соскочила с кровати, подбежала к нему, обвила руками и, не раздумывая, поцеловала его в губы.

От неожиданности Максим на мгновение остолбенел, по всему его телу пробежала волнительная дрожь. Он уже был готов, поддавшись внутреннему порыву, заключить её в свои объятия и ответить тем же, но она быстро шмыгнула снова на свою кровать, схватила блокнот, и спешно начертала в нём большими печатными буквами:

Я ВАС ОБОЖАЮ! ВЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ!

– Я тебя тоже, малыш! – выдавил он из себя в ответ, преодолев внезапно накативший комок в горле.

В спальню вошла мать, покрасневшее лицо которой указывало на то, что она осталась довольной состоявшимся разговором с начмедом.

– Как поговорили, Елена Феликсовна? – спросил её Максим.

– Поговорили, Максим, замечательно! Я очень довольна тем, что мне предоставлена возможность поработать фельдшером на заставе. На меня возлагается контроль за качеством приготовления пищи и санитарным состоянием пищеблока.

В прошлом году, как сказал мне начальник медсанчасти, половина пограничников на нашей заставе переболела трихинеллёзом, потому как употребили в пищу заражённое медвежье мясо.

– Что ж, тогда нам нужно будет в своём питании больше ориентироваться на рыбу, – рассмеялся Максим. – Неслучайно основная пища у японцев морепродукты, поэтому и средняя продолжительность их жизни около восьмидесяти лет.

– Я ему что-то в этом роде и сказала. На что он мне ответил, в рыбе много токсичных химикатов, в частности ртути. И чем старше рыба, тем она более вредна. Сообщил, что во многих странах опасными признаны тунец, навага, горбуша, нельма, чавыча...

– Да уж, ничего не скажешь – начитанный майор... Спасибо, что столь почитаемую здесь корюшку в разряд опасных продуктов не зачислил.

Видимо, язык у него не повернулся сказать про неё что-то плохое, – ухмыльнулся Максим и посмотрел на Дусю, которая внимательно слушала его диалог с матерью.

– Мы с ним сошлись на том, – продолжила её мать, что лучше бараньего мяса ничего нет. Максим улыбнулся.

– В этом нет ничего удивительного. Если я не ошибаюсь, – сказал он, – то начмед тувинец, а на его исторической родине предпочитают есть шашлычки из барашка, как и в Казахстане.

Дуся приподнялась с кровати и протянула свой блокнот Максиму, где написала:

Как вы думаете, на лыжной базе «Горный воздух» жарят шашлыки из барашка, как у нас на Медео? Вы упомянули про них, и у меня сразу засосало под ложечкой...

Ваша голодная Дуся.

Максим бросил взгляд на часы.

– Через двадцать минут нам нужно выйти к крыльцу штаба. Там нас будет ожидать «уазик». По приезде на базу «Горный воздух» мы узнаем, какие там шашлыки жарят.

А вечером предлагаю пойти в ресторан «Океан», чтобы воочию познать, насколько хороши блюда из морепродуктов. – Не возражаете, Елена Феликсовна, против похода в значное место?

Елена Феликсовна расплылась в улыбке.

– Я не возражаю. Повод замечательный...

– А ты, Дуся?

Дуся посмотрела на них лукавым взглядом, а затем по-детски растянула себе пальцами рот, давая понять, что безмерно рада такому предложению. Максим и её мать, видя такой её жест, закатились в безудержном смехе...

Глава седьмая

Погода в день отлёта на пограничную заставу установилась под стать настроению – день был яркий и солнечный, а небо чистое и открытое.

Ми-8, набрав необходимую высоту, летел вдоль прибрежной полосы на автопилоте, немного раскачиваясь сбоку на бок, как лодка в море при лёгком бризе.

Дуся и её мать с интересом вглядывались в мелькавшие за окнами иллюминаторов безмолвные снежные пейзажи. Настроение у них было, поначалу тревожное, но постепенно тревога улетучилась. Им хотелось поскорее попасть заставу, они морально устали и нуждались в отдыхе.

Вертолёт, сделав небольшой разворот, пошёл на снижение. Внизу, среди снегов, показались постройки пограничной заставы, состоящие из трёх отдельно стоящих зданий: казармы, дома офицерского состава, склада.

Из кабины пилотов вышел бортмеханик в звании прапорщика.

– Подлетаем к заставе! – прокричал он на ухо Максиму, так как разговаривать в салоне вертолёта из-за гула, исходящего от винтов, было весьма трудно.

Дуся с матерью вновь прильнули к окнам иллюминаторов.

По окраинам вертолётной площадки, обозначенной красными флажками, стояли пограничники, в руках они держали лопаты.

– Молодцы, товарищ капитан, ваши погранцы, – вновь прокричал ему на ухо прапорщик. – Они хорошо почистили площадку, несмотря на то, что снегу было по пояс. – Знатный был тайфун, – добавил он к сказанному.

Сильные струи воздуха, идущие от винтов, подняли снежный столб, и, раскрутив его, превратили в поток снежного вихря. В кабине вертолёта стало намного темнее. На здании пограничной заставы, находившейся недалеко от вертолётной площадки, от шквального ветра забился в неистовом порыве на флагштоке красный флаг с серпом и молотом. У пограничников, стоявших поодаль, чуть не сорвало с голов порывом ветра шапки-ушанки, они едва успели прижать их к головам руками.

Шасси вертолёта коснулись посадочной площадки, и бортмеханик спрыгнул на землю. Винты остановились, и он пригласил всех к выходу.

Первым по трапу сошёл Максим. Затем он помог сойти женщинам. К ним, пригнувшись навстречу ветру голову, подбежал офицер и с ним три пограничника. От ветра и мороза их лица были красными. Шинель офицера была запорошена снегом, и нельзя было понять в каком он звании.

– Заместитель начальника заставы по боевой подготовке, старший лейтенант Сергеев Николай Васильевич, – чётко, по-военному представился он Максиму.

– Начальник погранзаставы капитан Ломакин Максим Алексеевич, – представился ему в ответ Максим, широко при этом улыбаясь.

Сергеев тепло поприветствовал женщин и крепко пожал руку бортмеханику.

– Привет, Володя? Что ты нам привёз в этот раз? – поинтересовался он у него.

– Всё как обычно: почту, продукты, книги для вашей библиотеки, а также медикаменты для фельдшерского пункта. – И чуть не забыл, – спохватился он, – сигареты и конфеты находятся в фанерном ящике, он в конце грузового отсека.

– Парни, разгружаем вертолёт! – последовала команда старлея, отданная им пограничникам, стоявшим рядом.

Их лица озарила улыбка. Ведь прибытие вертолёта – ожидаемое событие! Сигареты, конфеты и письма от родных и близких – это то, что нужно для полного счастья пограничнику на далёкой заставе.

Максим представил своему заместителю мать и дочь. После чего, все они дружно зашагали по тропинке, расчищенной от снега, в направлении заставы.

– Вашу квартиру, товарищ капитан, мы привели в полный порядок, ещё по осени сделали во всех комнатах косметический ремонт, заменили всю сантехнику на кухне и ванной комнате, и даже повесили новые шторы, – принялся рассказывать Максиму его заместитель, – надеюсь, что вашим женщинам они понравятся.

– Спасибо, Николай Васильевич, приятно это слышать, – поблагодарил своего заместителя Максим. – В последний месяц до отлёта на Сахалин моим женщинам пришлось немало пережить в связи с известными событиями, которые произошли в Алма – Ате. Это и потеря крова, и физические страдания...

Максим на мгновение умолк, словно собираясь с мыслями.

– О том, что случилось в Алма-Ате мы, Максим Алексеевич, изначально узнали из новостного канала японского телевидения. Ведь Япония по прямой линии совсем недалеко – порядка сорока километров.

В прошлом году на участке заставы выбросило на скалы японскую шхуну, на ней мы обнаружили хорошо сохранившийся телевизор марки «Саньё», который превосходно берёт Японию.

– А как к этому событию отнёсся Особый отдел? У него, наверное, нашлось что-либо сказать по этому поводу.

– Особисты о нём ничего не знают. А что касается телевизора, то мы ему присвоили статус «ничейного» и он в настоящее время находится в вашей квартире. Мы там его смотрели с замполитом.

Володя сейчас воюет в Афганистане, в составе мотоманевренной группы Пянджского погранотряда, а его семья находится в Нижнем Новгороде у своих родителей. В июне – июле он должен появиться здесь...

Максим понимающе качнул головой.

– Понятно. Ну а насчёт касается телевизора, то пусть пока побудет у меня, особистов я попытаюсь убедить, что тлетворная пропаганда соседей не возымеет на меня и моих женщин никакого пагубного влияния. А там глядишь, и контейнер с моими домашними вещами подойдёт. Только вот как свой скарб сюда доставить?

Говоря о том, что с особистами ему удастся договориться, Максим умолчал, о том за полтора месяца до того, как ему пришёл перевод на Сахалин, ему было предложено перейти на службу в органы военной контрразведки. Он дал своё согласие быть кандидатом на работу в Особый отдел КГБ СССР. А так как время прохождения кандидатского стажа было не менее года, то распространяться на сей счёт раньше времени он счёл для себя излишним.

– Ваши вещи можно доставить на заставу только осенью кораблём во время планового завоза продуктов на заставу, или небольшими партиями вертолётном, – сказал его заместитель.

Дом, в который они вошли, был построен из расчёта на четыре семьи. Кроме их квартиры, пустовала также квартира старшины заставы, пребывавшего на данный момент на курсах переподготовки прапорщиков.

Квартира, по меркам пограничной заставы, была очень даже неплохой. От отопленной печи в доме было тепло и уютно.

Максим с удовлетворением отметил, что все комнаты меблированы простой, но весьма добротной мебелью, гладкие деревянные полы были выкрашены хорошей эмалью коричневого цвета, на стенах новые светлые обои, а на окнах, как уже было сказано, приятной расцветки шторы.

Единственное, что его сейчас волновало – как это спартанское убранство, которое понравилось ему, восприняли Дуся и её мать?

Женщины обошли и внимательно осмотрели все комнаты. В зале, раздвинув шторы, они выглянули из окна. Их взору предстало одноэтажное здание казармы, по периметру которой прохаживался в белом полубубке часовой заставы с автоматом на плече.

Рядом с ним на расчищенной от снега площадке, служившей пограничникам строевым плацем, весело играли два трёхмесячных щенка. При их виде лицо Дуси в умилении засияло улыбкой.

На кухне заместитель Максима широко распахнул дверцу холодильника. У всех от неожиданности открылись рты. Холодильник был доверху забит продуктами.

– Не пугайтесь! Это ваш продовольственный паёк за февраль. Здесь мороженное мясо, рыба, фарш, консервы, масло. Все остальные продукты: сахар, печенье, крупы, сгущённое молоко, я разместил в нижней части кухонного шкафа.

Первой спохватилась Елена Феликсовна.

– Я сейчас приготовлю нам что-нибудь поесть...

Видя такую её реакцию, заместитель Максима понимающе улыбнулся.

– Сейчас, Елена Феликсовна, готовить ничего не нужно, потому как для вас уже накрыт обед в столовой заставы. – Ждём вас всех там, – сказал он и направился к выходу.

– Ну, как, Елена Феликсовна, понравилось вам наше жильё? – нетерпеливо спросил Максим, как только за Николаем закрылась дверь.

– Жильё мне пришлось по душе. Думаю, что Дусе тоже, – сказала она взглянув на дочь. – Та продолжала стоять у окна и любоваться щенками. Услышав своё имя, Дуся обернулась, расплылась в улыбке, и выразила восторг большим пальцем руки, задранном вверх. – Спасибо вам, Максим за всё, что вы делаете для нас, – сказала проникновенно Елена Феликсовна утерев неожиданную слезу, выкатившуюся из её глаз...

Послышался стук в дверь. В дом вошли три пограничника. Они внесли их чемоданы, которые поставили у входа. Дуся вопросительно посмотрела на Максима. Он улыбнулся ей, ему было понятно, что крылось за этим взглядом.

– Выбирай, Дуся, себе комнату, первоочередное право за тобой, – сказал он. – Не так ли, Елена Феликсовна?

– Я не возражаю, мне нравятся все комнаты.

Дуся, не раздумывая, указала на угловую комнату, окна которой выходили на берег моря. Максим взял её чемодан и торжественно внёс его туда.

Разместившись по комнатам, они поспешили на заставу, где их уже поджидал Николай.

Обед был на славу. Великолепный борщ, жареная корюшка, жаркое из косули, и, конечно же, традиционные корейские салаты, так обожаемые жителями острова.

Их на заставу, как выяснилось позже, завезли шефы. Это и специфического засола капуста «кимча» с кусочками лосося, и семена пророщенной сои, и побеги молодого папоротника. Особое восхищение вызвал тонизирующий напиток из ягод красники, которую сахалинцы называют попросту «клоповкой».

– Ну как, вам наша корюшка? – поинтересовался Николай. – Понравилась?

– Объедение и только! – почти одновременно выразили свой восторг Максим и Елена Феликсовна.

– Вообще, корюшка – уникальная, она единственная в своём роде рыбка, которую не надо чистить при приготовлении, – сказал Николай. – Её пожарить просто – вытаскиваешь из мешка за хвостик, обмакиваешь в муке и на сковородку. Что же касается вяленой корюшки, то она непременный атрибут любой пивной компании на Сахалине.

– Нам нужно обязательно пристраститься к ловле корюшки, – тут же отреагировал Максим.

– Это правильно, – улыбнулся Николай. – На правом фланге заставы в районе маяка начался активный клёв корюшки, так что Елена Феликсовна и Дуся готовьтесь морально к тому, чтобы в один из пригожих дней поехать «за огурцами».

Моя супруга, её зовут Лена, и сын Артём, приготовят для вас зимние удочки, они у меня заядлые рыбаки...

– Мне нужно будет провести на заставе вакцинацию от гриппа, – вспомнила Елена Феликсовна.

– О! Это не займёт много времени. У нас народ сознательный, от желающих отбоя не будет, – рассмеялся Николай.

– Тогда я тоже поеду. Мне это интересно. У себя в Казахстане, мне несколько раз довелось побывать на зимней рыбалке на озере Шалкар. Я однажды поймала там одиннадцать окуней, из которых мы сварили великолепную уху...

Дуся от удивления выпучила глаза. Услышать такую новость от своей матери она явно не ожидала.

Прошла первая неделя. Максим принял пограничную заставу и официально вступил в должность. Дусю и её мать пограничники заставы называли по имени-отчеству уже на следующий день.

Елена Феликсовна приступила к исполнению обязанностей фельдшера. Она оборудовала в выделенном ей помещении заставы, находящимся рядом с библиотекой, фельдшерский пункт, провела медицинский осмотр личного состава и стала готовиться к вакцинации.

Дуся же всё это время упивалась чтением художественных книг, благо библиотека на заставе насчитывала несколько сот книг. Не забывала она и про щенят, которые завидев её, с визгом бросались к ней навстречу.

А по вечерам, когда все были дома, они с соседями смотрели программы японского телевидения.

– Соседки! – раздался на пороге их квартиры задорный голос Лены, – собирайтесь, едем на рыбалку. Мы с Тёмой уже собрались...

– Сейчас, Леночка, мы с Дусей мухой...

Когда они вышли из дома, то увидели стоящие у крыльца дома два снегохода «Буран». Максим о чём-то оживлённо разговаривал с Николаем.

Все женщины были одеты в армейские бушлаты, шапки-ушанки, стёганные шаровары и чуни.

Тёма же был одет в тёплый лыжный костюм и финскую куртку «Аляску».

Елена Феликсовна и Лена уселись на задние сидения, а Дусю и Артёма посадили в сани и укрыли постовым тулупом. Максим и Николай едва сдерживали себя, чтобы не рассмеяться от вида Дуси. Если на взрослых женщинах эта экипировка выглядела более или менее, то на её хрупкой фигуре она смотрелась комично.

Снегоходы, управляемые двумя пограничниками, взревев, резво тронулись с места, оставив за собой столб снежной пыли.

– Ждём вас с уловом! – прокричал им вслед Николай.

– Корюшку будем ловить напротив маяка, – доверительно сказал Дусе Тёма. – Там глубина метров шесть. Рыба клюёт весь день. Прошлой весной мы с мамой поймали несколько зубаток размером с маленькую горбушу, а ещё там бегают много лис...

Дуся достала из кармана бушлата блокнот, который всегда был с ней, и карандаш.

– А почему ты Тёма не учишься в школе? – написала она.

Мальчик вытарашил на неё глаза.

– Как это не учусь? Я учусь в пятом классе в городе Корсакове. Живу я там у своей бабушки. А сейчас у меня каникулы...

– Понятно, – вывела она на листе.

– Дуся?

Она вопросительно посмотрела на него.

– Ты очень красивая девушка! – с детской непосредственностью неожиданно выпалил он. – Я научу тебя ловить крупную корюшку. У меня есть классные гирлянды, которые я сделал из жёлтых и зелёных нитей бабушкиной мохеровой шапки, я дам тебе пару штук...

Дуся от такого комплимента мальчика, сделанного в её адрес, почему-то вдруг смутилась и не нашла ничего лучшего, как высунуть голову наружу, чтобы остудить разгорячённое лицо. Холодный и пронизывающий ветер чуть не сорвал шапку, она едва удержала её руками на голове.

– Дуся, залезай обратно! Замёрзнешь, – услышала она призывный крик Тёмы.

Однако залезать под тулуп она не стала, так как увидела впереди маяк.

– Ну вот, мы и приехали, – объявила Лена, соскакивая со снегохода. – Ребята нам сейчас высверлят во льду лунки, а мы пока развернём шалаши и подготовим удочки.

Когда всё было готово. Лена рассказала, как нужно удить корюшку.

– Снасть нужно опустить на дно и слегка подёргивать. Вообще-то, поклёвку крупной корюшки не с чем не сравнить, – сказала она. – Леска вдруг слегка поднимается, это хорошо заметно по сторожку, в этот момент делаешь широкую, но плавную подсечку.

На удочке сразу же чувствуется приятно-упругая тяжесть. Делаешь несколько переборов лески, и вот уже ослепительно яркая рыбка трепещется в руках.

Иногда вместо желанной корюшки на крючке извивается морской налимчик или колючий бычок. В этом случае нужно приподнять свою снасть вверх сантиметров на пятьдесят.

В удачный день можно поймать до пятисот штук, однако, и сто штук – очень неплохой результат.

А когда у нас закончится сезон зимней рыбалке на море, мы будем ловить кунжу на реке. Но уже весной. Ну вот, и всё, что я хотела вам сказать. Всем удачи! – Она посмотрела на часы. – Клёв корюшки начнётся минут через десять. В это время начнётся прилив!

Тёма взял шефство над Дусей и самолично настроил ей снасть, опустил в лунку и показал, как её нужно вытаскивать в случае поклёва.

Первой корюшку поймал он сам. Но он почему-то скривил в недовольной гримасе лицо.

– Фу! Папироска!

Лена рассмеялась и пояснила.

– Папиросками Тёмка зовёт мелкую корюшку. – Минуточку! – сделала она паузу, – у меня тоже клюёт. И в подтверждении своих слов вытащила из лунки извивающуюся серебристую рыбку. – Началось!

– У меня клюёт! – раздался радостный возглас Елены Феликсовны.

Клевать стало у всех сразу. Дуся, забыв обо всём, только успевала вытаскивать рыбу на снег. Несколько раз она вытянула с глубины трёх рыбин сразу.

Корюшка действительно пахла свежими огурцами, и это вызвало у неё неопиcуемый восторг.

Её занятие на какое-то мгновение прервал Тёма. Он отчаянно махал руками, пытаюсь обратить её внимание. Наконец, не выдержал и крикнул.

– Дуся, обернись назад, к тебе подкрадывается рыжий лисовин...

Она обернулась и увидела в нескольких шагах от себя рыжую лису, которая смотрела на неё немигающими жёлтыми глазками.

– Кинь ему папиросок и бычков, – рассмеялся Тёма.

Дуся боязливо бросила в сторону лисицы несколько рыбок. Она в одно мгновение расправилась с ними, а затем сместилась в сторону пограничников, у которых была наловлена

большая куча рыбы. Там ей тоже удалось выклянчить несколько рыбёшек. Съев их, она удалилась восвояси.

Уже через пару часов у всех было наловлено не менее мешка на каждого.

– Пора ехать, – объявила Лена. – Нас уже ждут дома, да и отлив скоро начнётся...

На заставе их действительно уже заждались. Из отряда пришло предупреждение о том, что надвигается тайфун. Следовало ожидать сильный ветер и обильный снегопад по всему побережью.

Максим был откровенно изумлён, видя, какое огромное количество рыбы наловили рыбаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.